

ЛИАНА МОРИАРТИ

От автора мирового бестселлера «ТАЙНА МОЕГО МУЖА»

Прекрасный коктейль, в который
добавлена щепотка мышьяка.

USA Today

БОЛЬШАЯ МАЛЕНЬКАЯ ЛОЖЬ

Annotation

Мадлен, веселая, остроумная, страстная, мать троих детей. Она всегда готова прийти на помощь подруге, защитить тех, кого несправедливо обидели, однако ее возмущает, что ее бывший муж с новой женой поселились рядом, а их общая дочь-подросток больше любит отца, а не мать.

Селеста, богатая и ослепительно красивая, мать чудесных мальчиков-близнецов. Их с мужем считают самой счастливой парой в городке. Однако за внешне благополучным фасадом их брака скрывается страшная тайна.

Джейн, молодая мать-одиночка, недавно переехала в городок на побережье, а потому ее нередко принимают за няню, а не за мать собственного сына. Близнецы Селесты, младшая дочь Мадлен и сын Джейн учатся в одном подготовительном классе. Селеста и Мадлен опекают Джейн. Казалось, ничто не предвещает беды, но зачастую, когда человек начинает верить в собственную ложь, это приводит к трагедии...

Впервые на русском языке!

Лиана Мориарти

Большая маленькая ложь

Liane Moriarty

BIG LITTLE LIES

Copyright © Liane Moriarty, 2014

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© И. Иванченко, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

* * *

Маргарет с любовью

*Эй, приятель, не балуй!
Если стукнул – поцелуй!*

Школьная песенка

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА ПИРРИВИ

...где мы живем и учимся на берегу океана!

Школа Пирриви – МЕСТО БЕЗ ЗАБИЯК!

Мы никого не запугиваем.

Мы не допустим, чтобы нас запугивали.

Мы всегда говорим, когда нас запугивают.

Если мы видим, что наших друзей запугивают, у нас хватит смелости громко сказать об этом.

Мы говорим забиякам НЕТ!

Это не похоже на школьный вечер викторин, – обратилась миссис Пэтти Пондер к Марии-Антуанетте. – Это скорее похоже на погром.

Кошка не отвечала. Подремывая на диване, она совершенно игнорировала школьные мероприятия.

– Тебе это неинтересно, а? Пусть лопают пирожные! Ты об этом думаешь? Они кушают много пирожных, правда? Все эти киоски с выпечкой! Боже мой! Но вот, пожалуй, мамыши этого не едят. Они все такие поджарые и стройные. Вроде тебя.

В ответ на комплимент Мария-Антуанетта фыркнула. Фраза «пусть лопают пирожные» давным-давно устарела. Как-то она слышала от одного из внуков миссис Пондер, что теперь это звучит как «пусть лопают булочки».

Миссис Пондер взяла пульт от телевизора и убавила громкость «Танцев со звездами». Чуть раньше она прибавляла громкость из-за оглушительного ливня, но сейчас ливень утих.

В прозрачном вечернем воздухе разносились сердитые выкрики. Миссис Пондер неприятно было их слышать, как будто сердились на нее. Мать миссис Пондер всегда была недовольна дочерью.

– Боже правый! Думаешь, они спорят по поводу столицы Гватемалы? Знаешь столицу Гватемалы? Нет? Я тоже. Надо заглянуть в Интернет. И нечего фыркать!

Мария-Антуанетта фыркнула.

– Пойдем посмотрим, что там творится, – оживленно произнесла миссис Пондер.

Она занервничала и засуетилась перед кошкой, как однажды суетилась перед детьми, когда мужа не было дома, а ей ночью почудился странный шум.

Миссис Пондер поднялась, опираясь на ходунки. Мария-Антуанетта недовольно соскользнула с коленей хозяйки, когда та, подталкивая перед собой ходунки, пошла по коридору в заднюю часть дома.

Окна ее швейной комнаты выходили прямо во двор школы Пирриви.

– Мама, ты с ума сошла? Невозможно жить так близко от начальной школы, – говорила ее дочь, когда миссис Пондер начала подумывать о приобретении этого дома.

Но ей нравилось слышать в течение дня нестройный гомон ребячьих голосов. Она уже не водила машину, и ее не волновало, что улица забита огромными, почти как грузовики, автомобилями с женщинами в темных очках за рулем. Высунувшись из окна, эти женщины обмениваются важной информацией о балетном кружке Харриет и логопедических занятиях Чарли.

В наше время матери весьма серьезно относятся к своим обязанностям. Посмотреть хотя бы на эти одержимые лица. На то, с каким достоинством они несут в школу свои подтянутые зады. Развешаются конские хвосты. Глаза устремлены на сотовые, которые они держат на ладонях, как компасы. Это вызывало у миссис Пондер смех. Добродушный, конечно. Три ее дочери, хотя и постарше, точно такие же. И все хорошенькие.

– Как у вас сегодня дела? – выкрикивала она, сидя за чашкой чая на переднем крыльце или поливая палисадник, когда мимо проходили мамы.

– Очень заняты, миссис Пондер! Просто жуть! – выкрикивали они в ответ, торопливо проходя мимо и таща детей за руку.

Приятные и дружелюбные, но капельку снисходительные. И ничего с этим не

поделаешь. Она такая старая! А они так сильно заняты!

Отцы, приводившие детей в школу и встречавшие их после занятий, вели себя по-другому. Редко спешили, проходя мимо нее с показной небрежностью, словно говоря всем своим видом: «Подумаешь, делов-то! Все под контролем». Над ними миссис Пондер тоже добродушно подсмеивалась.

Но сейчас ей показалось, что родители школы Пирриви ведут себя как-то странно. Подойдя к окну, она отодвинула кружевную занавеску. Недавно, после того как крикетный мяч разбил стекло и едва не пришиб Марию-Антуанетту, за счет школы ей установили решетки на окнах, а третьеклассники подарили ей самодельную открытку с извинением, которую она хранила на холодильнике.

На той стороне детской площадки стояло двухэтажное здание из песчаника, на втором этаже которого располагался актовый зал с большим балконом, выходящим на океан. Миссис Пондер бывала здесь по разным поводам: провести беседу в качестве местного историка, посетить обед, организованный друзьями библиотеки. Зал был очень красивым. Иногда бывшие ученики устраивали в нем свадебные торжества. Здесь должен был состояться вечер викторин для сбора средств на интерактивные доски, что бы это ни было. Ясное дело, миссис Пондер пригласили. Близость ее дома к школе обеспечивала ей несколько странный почетный статус, хотя ее никогда не навещали чьи-нибудь дети или внуки. От этого приглашения она отказалась, поскольку школьные мероприятия без детей считала бессмысленными.

Здесь же дети проводили еженедельные школьные собрания. Утром в пятницу миссис Пондер устраивалась в швейной комнате с чашкой чая и орехово-имбирным печеньем. Детское пение, доносящееся со второго этажа школы, всегда вызывало у нее слезы. Она верила в Бога только тогда, когда слышала детское пение.

Сейчас никакого пения не было.

Зато миссис Пондер слышала много бранных словечек. У нее не было ханжеского отношения к сквернословию, ее старшая дочь ругалась как извозчик, но неприятно было слышать, как кто-то неистово выкрикивает слово из трех букв в месте, где обычно звучали детские крики и смех.

– Вы напились там, что ли? – спросила она.

Ее забрызганное дождем окно было на одном уровне с входной дверью в здание, и вдруг из дверей высыпала толпа. Вымощенная плиткой площадка перед входом в школу освещалась фонарями, создавая впечатление сцены, на которой должно развернуться действие. Эффект усиливали клубы тумана.

Странное это было зрелище.

Родители учащихся школы Пирриви питали непостижимое пристрастие к костюмированным вечеринкам. Им было мало просто вечера викторин. Из приглашения миссис Пондер узнала, что какой-то умник решил устроить вечеринку а-ля Одри и Элвис, а это означало, что все женщины должны были одеться как Одри Хепбёрн, а мужчины – как Элвис Пресли. Она отклонила приглашение еще и по этой причине, поскольку терпеть не могла маскарадные костюмы. Похоже, самой большой популярностью пользовался образ Одри Хепбёрн в «Завтраке у Тиффани». На всех женщинах были длинные черные платья, белые перчатки и жемчужные ожерелья. А вот мужчины в основном воздавали должное Элвису последних лет жизни. Блестящие белые комбинезоны, сверкающие камни и глубокие вырезы. Женщины выглядели очаровательно. Бедные мужчины – по-настоящему

смехотворно.

Миссис Пондер было видно, как один Элвис заехал другому кулаком в челюсть. Пошатнувшись, тот наткнулся на одну из Одри. Два Элвиса подхватили его сзади и уволокли прочь. Одри спрятала лицо в ладонях и отвернулась, словно была не в силах смотреть на происходящее. Кто-то выкрикнул: «Прекратите это!»

Действительно. Что подумали бы ваши замечательные дети?

– Может, вызвать полицию? – произнесла миссис Пондер, но затем услышала в отдалении вой полицейской сирены.

В тот же миг на балконе истошно закричала какая-то женщина.

* * *

Габриэль. Понимаете, дело было не только в мамах. Без папочек подобного не случилось бы. Похоже, с мам все и началось. Мы были, так сказать, основными игроками. Мамаши. Терпеть не могу это слово. Оно старомодное. Мама лучше. Представляешь себе этакую стройняшку. Между прочим, у меня проблемы с похудением. А у кого их нет?

Бонни. Все это какое-то ужасное недоразумение. Были задеты чувства людей, а потом все вышло из-под контроля. Обычно так и бывает. Любой конфликт возникает, когда задеты чувства людей, разве нет? Развод. Мировые войны. Судебный процесс. Ну, может быть, не всякий судебный процесс. Могу я предложить вам травяного чая?

Стью. Я скажу вам, почему это произошло. Женщины не хотят пускать все на самотек. Ну а парни не склонны разделять с ними ответственность. Но если девчонки не привыкли держать себя в узде, что может показаться сексистским подходом, а это не так, потому что это жизнь. Спросите любого настоящего мужика, а не тех претенциозных хлюпиков, которые мажутся увлажняющим кремом, и он скажет вам, что по злости и напористости женщин можно сравнить с олимпийскими атлетами. Видели бы вы мою жену в действии. И она еще не худший вариант.

Мисс Барнс. Одержимые родители. До работы в школе Пирриви я считала это преувеличением – то, как родители чрезмерно опекают своих детей. К слову, мои мама и папа любили меня, интересовались моими делами, когда я росла в девяностые, но не были одержимыми родителями.

Миссис Липман. Произошла трагедия, и это весьма прискорбно. Все же мы пытаемся двигаться вперед. Больше никаких комментариев.

Кэрол. Виноват Клуб эротической книги. Таково мое мнение.

Джонатан. Уверяю вас, в Клубе эротической книги не было никакой эротики.

Джеки. Знаете что? Тут дело в феминистском подходе.

Харпер. Кто сказал про феминистский подход? Какого черта! Я вам скажу, с чего все началось. С инцидента на ознакомительном дне для подготавлишек.

Грэм. В моем представлении, это возврат к конфликту между неработающими и работающими мамами. Как это называется? Война между матерями. Моя жена в этом не участвовала. У нее не было времени на подобные вещи.

Теа. Вы, журналисты, любите затрагивать тему французских нянь. Сегодня я слышала по радио передачу о французских горничных, каковой Джульетта определенно не была. У

Ренаты к тому же была домработница. Везет некоторым. У меня четверо детей и никакой прислуги в помощь! Разумеется, у меня в принципе нет проблем с работающими матерями, меня лишь удивляет, зачем они вообще заводят детей.

Мелисса. Знаете, из-за чего, по-моему, все разволновались? Из-за головных вшей. О господи, не позволяйте мне снова затрагивать тему вшей!

Саманта. Вши? Какое они имеют к этому отношение? Кто вам такое сказал? Готова поспорить, это Мелисса, верно? После повторного заражения ее детей у бедной девочки наступил синдром посттравматического стресса. Простите. Это не смешно. Это совсем не смешно.

Эдриан Куинлан, сержант уголовной полиции. Позвольте внести ясность. Здесь вам не цирк. Мы расследуем убийство.

За полгода до вечера викторин

Сорок. Сегодня Мадлен Марте Маккензи исполняется сорок лет.

– Мне сорок, – сидя за рулем, вслух произнесла она. Потом повторила, растягивая слоги: – Со-о-орок.

В зеркале заднего вида она поймала взгляд дочери. Улыбнувшись, Хлоя передразнила мать:

– Мне пять. Пя-а-ать.

– Сорок! – Мадлен вывела трель, как оперная певица. – Тра-ла-ла!

– Пять! – пропела Хлоя.

Мадлен попробовала пропеть рэп, выбивая ритм на руле:

– Мне сорок, е-е, сорок...

– Хватит, мамочка, – строго произнесла Хлоя.

– Извини, – сказала Мадлен.

Она повезла Хлою на ознакомительный день. Хотя та вряд ли нуждалась в ознакомительном дне, поскольку уже и так твердо знала, в какую школу поступит в январе – в школу Пирриви. И все утро Хлоя опекала брата Фреда, который был старше ее на два года, но часто казался младше.

– Фред, ты забыл положить на место рюкзак! Вот так. Туда. Хороший мальчик.

Фред послушно положил рюкзак, а потом подбежал к Джексону и применил захват. Мадлен сделала вид, что ничего не заметила. Возможно, Джексон этого заслуживал. Мама Джексона, Рената, тоже ничего не заметила, поскольку была увлечена разговором с Харпер. Обе были всерьез озабочены образованием своих одаренных детей. Рената и Харпер посещали еженедельные занятия для родителей одаренных детей. Мадлен представила себе, как они сидят в кружок, взявшись за руки, с сияющими от потаенной гордости глазами.

Пока Хлоя будет командовать другими детьми из группы (у нее были задатки командирши, и она намеревалась стать в будущем руководителем корпорации), Мадлен планировала выпить кофе с подругой Селестой. Мальчишки-близнецы Селесты тоже на будущий год собирались в школу, а в детском саду всю бесились. Они вообще были ужасно крикливыми. После пяти минут в их обществе у Мадлен начинала болеть голова. Селеста всегда дарила на день рождения изысканные и очень дорогие подарки, так что все складывалось замечательно. После этого Мадлен собиралась завести Хлою к свекрови и пообедать с друзьями, а потом помчаться встречать детей из школы. Сияло солнце. На Мадлен были новые великолепные туфли на шпильке от «Дольче и Габбана», купленные онлайн с тридцатипроцентной скидкой. День обещал быть просто изумительным.

– Пусть начнется Праздник Мадлен! – произнес утром ее муж Эд, когда принес ей кофе в постель.

Мадлен была известна пристрастием к празднованию дней рождения и прочим торжествам. Любой предлог выпить шампанского.

И все-таки. Сорок.

Подъезжая знакомой дорогой к школе, она размышляла об этой внушительной дате. Сорок. Сорок она ощущала почти так же, как пятнадцать. Какой-то бесцветный возраст. Ты словно затерялась посреди жизни. Когда тебе сорок, мало что имеет значение. Когда тебе

сорок, подлинные чувства уходят, потому что в этом скучном возрасте все потрясения словно смягчаются подушкой безопасности.

Найдена мертвой женщина сорока лет. О господи!

Найдена мертвой женщина двадцати лет. Трагедия! Горе! Разыскать убийцу!

Когда в последнее время Мадлен слышала в новостях о какой-нибудь женщине, умершей в сорок лет, у нее в голове что-то поворачивалось. Но постойте, это могла быть и я! Это было бы грустно! Если бы я умерла, то многие опечалились бы. Некоторые даже были бы потрясены. Ах, этот мир, помешанный на возрасте людей! Может быть, мне и сорок, но меня холят и лелеют.

С другой стороны, пожалуй, вполне естественно сильнее горевать о смерти двадцатилетней женщины, чем сорокалетней. Сорокалетняя женщина успела вкусить на двадцать лет больше радостей жизни. Поэтому, появившись перед ней вооруженный бандит, Мадлен почувствовала бы себя обязанной прикрыть своим средневозрастным телом двадцатилетнюю девушку. Принять на себя удар, спасая юность. Это было бы только справедливо.

Что ж, она бы так и сделала, если бы точно знала, что это милое юное создание, а не одна из несносных девиц наподобие той, что ехала впереди Мадлен в миниатюрном голубом «мицубиси». Девица и не думала скрывать то, что пользуется за рулем мобильником, вероятно посылая эсэмэску или просматривая «Фейсбук».

Вы только посмотрите! Эта девчонка даже не заметила бы вооруженного бандита! И пока Мадлен жертвовала бы для нее жизнью, она бессмысленно пялилась бы в телефон! Возмутительно!

Оказалось, что маленький автомобиль со штрафной квитанцией на заднем стекле набит молодежью. По меньшей мере трое сзади – мотающиеся головы, жестикулирующие руки. Неужели кто-то размахивает там ногой? Сейчас может произойти трагедия. Им всем следует сосредоточиться. Как раз на прошлой неделе Мадлен пила кофе после занятия по ударно-волновой терапии, просматривая газетную статью о том, как молодые люди подчас разбиваются на машинах, когда во время езды посылают эсэмэски. «Еду. Скоро буду!» Таковы бывают их последние глупые слова, часто написанные с ошибками. Мадлен плакала над фотоснимком одной убитой горем матери, которая, словно предостерегая читателей, нелепо подносит к камере мобильник дочери.

– Маленькая дурочка, – вслух произнесла Мадлен, рискованно перестраиваясь в соседний ряд.

– Кто дурочка? – с заднего сиденья спросила Хлоя.

– Девушка в машине передо мной, потому что она ведет машину и одновременно пользуется телефоном.

– Как в тот раз, когда ты звонила папе сказать, что мы опоздаем, – заметила Хлоя.

– Это было только один раз! – запротестовала Мадлен. – И я сделала это очень осторожно и быстро! К тому же мне сорок лет!

– Сегодня, – уверенно произнесла Хлоя. – Тебе исполнилось сорок сегодня.

– Да! И я только позвонила, а не посылала эсэмэску! Чтобы послать эсэмэску, приходится отрывать глаза от дороги. Посылать эсэмэски за рулем запрещено. Обещай мне, что, когда вырастешь, никогда не будешь этого делать. – Стоило ей представить себе Хлою-подростка за рулем, и у нее задрожал голос.

– Но разрешается быстро позвонить, – уточнила Хлоя.

– Нет! Это тоже запрещено.

– Получается, ты нарушила закон, – удовлетворенно сказала Хлоя. – Как бандит.

В настоящее время Хлою привлекали бандиты. Когда-нибудь она определенно начнет встречаться с плохими парнями. Плохими парнями на мотобайках.

– Дружи с хорошими мальчиками, Хлоя! – немного помолчав, сказала Мадлен. – Такими, как папа. Плохие парни не приносят кофе в постель, уж это точно.

– Что ты там лепечешь, женщина? – со вздохом спросила Хлоя.

Она переняла эту фразу от отца, идеально копируя его усталый тон. Они совершили ошибку, засмеявшись в первый раз, как услышали это, и теперь девочка часто повторяла фразу, причем в подходящий момент, и им ничего не оставалось, как смеяться.

На этот раз Мадлен удалось не рассмеяться. Хлоя, будучи очаровательным ребенком, иногда становилась несносной. Пожалуй, то же самое относилось и к Мадлен.

Мадлен подъехала сзади к маленькому голубому «мицубиси», стоящему у светофора. Девушка за рулем по-прежнему не сводила глаз с мобильного. Мадлен погудела и увидела, как девушка посмотрела в зеркало заднего вида, а все пассажиры завертели головами.

– Уберите телефон! – завопила Мадлен, пальцем на ладони изображая набор текста. – Это запрещено и очень опасно!

Девушка подняла средний палец классическим жестом, обозначающим «отстань от меня!».

– Ну хорошо же! – Мадлен поставила на ручник и включила аварийки.

– Что ты делаешь? – спросила Хлоя.

Мадлен отстегнула ремень безопасности и распахнула дверь машины.

– Но нам надо ехать! – в панике воскликнула Хлоя. – Мы опоздаем! О горе мне!

«О горе мне!» были слова из одной детской книги, которую читали Фреду, когда он был маленьким. Теперь их повторяла вся семья. Их переняли даже родители Мадлен и некоторые из ее подруг. Фраза оказалась весьма заразной.

– Все в порядке, – сказала Мадлен. – Это займет секунду. Я спасаю юные жизни.

Она подошла на новых шпильках к «мицубиси» и постучала в окно.

Окно опустилось, и на месте водителя вместо неясного силуэта нарисовалась реальная молодая девица с белой кожей, сверкающим кольцом в носу и небрежно наложенной косметикой.

Она взглянула на Мадлен со смесью страха и враждебности:

– У вас какие-то проблемы? – Девушка все так же держала в левой руке телефон.

– Уберите телефон! А не то погубите себя и своих друзей! – Мадлен говорила тем же тоном, что и с Хлоей, когда та плохо себя вела. Потянувшись, она выхватила телефон и швырнула его какой-то девице на заднем сиденье, которая открыла рот от изумления. – Ладно? Просто прекратите это!

Направляясь к своей машине, она слышала взрывы хохота. Ей было наплевать. Она ощущала приятное возбуждение. К ее машине подъехал сзади другой автомобиль. Мадлен примирительно подняла руку и, пока не переключились сигналы светофора, заспешила к своей машине.

И тут у нее подвернулась нога. В какой-то момент все было нормально, а в следующий – лодыжка как-то неестественно вывернулась. Мадлен тяжело упала на бок. О горе мне!

Вся история началась именно с этого момента.

С неловко подвернутой лодыжки.

Джейн встала у светофора за большим сверкающим внедорожником с мигающей аварийной сигнализацией и стала наблюдать за темноволосой женщиной, которая спешила к своему автомобилю. На той было легкое летнее платье синего цвета и туфли с ремешками на высоком каблуке. Она, словно извиняясь, дружелюбно помахала Джейн. Лучик утреннего солнца упал на одну из ее сережек, которая засияла каким-то небесным светом.

Ослепительная женщина. Старше Джейн, но определенно привлекательная. Всю жизнь Джейн чуть ли не с научным интересом присматривалась к подобным женщинам. Может быть, с некоторым благоговением. Может быть, немного завистливо. Им необязательно быть самыми красивыми, но они с такой любовью украшают себя, как елку на Рождество, свисающими серьгами, звенящими браслетами и изящными бесполезными шарфиками. Разговаривая, они часто притрагиваются к вашей руке. Лучшая школьная подруга Джейн была такой вот ослепительной. Джейн испытывала к ним слабость.

Потом эта женщина упала, словно из-под нее вытащили коврик.

– Ой! – вскрикнула Джейн и быстро отвела глаза, чтобы не смущать женщину.

– Ты ушиблась, мамочка? – спросил Зигги с заднего сиденья.

Он всегда очень беспокоился о маме.

– Нет, – ответила Джейн. – Ушиблась вон та женщина. Она споткнулась и упала.

Джейн ожидала, что женщина поднимется и вернется к машине, но она не вставала. Женщина запрокинула голову, и по лицу было видно, что ей очень больно. Светофор переключился на зеленый, и маленький голубой автомобиль перед внедорожником с визгом шин рванул вперед.

Джейн включила указатель поворота, чтобы объехать ту машину. Они направлялись на ознакомительный день в новую школу, а она понятия не имела, как туда ехать. Они с Зигги оба нервничали, но делали вид, что все в порядке. Она хотела приехать туда заранее.

– С этой тетей все хорошо? – спросил Зигги.

Джейн словно что-то толкнуло. Такое с ней время от времени случалось, когда она погружалась в пучину житейских забот, а потом что-то – часто это бывал Зигги – заставляло ее вовремя вспомнить, как следует себя вести обыкновенному симпатичному и воспитанному взрослому.

Если бы не Зигги, она бы уехала. Она была настолько сосредоточена на том, чтобы доставить сына вовремя, что оставила бы сидящую на дороге, скорчившуюся от боли женщину!

– Пойду посмотрю, как она там, – сказала Джейн, словно с самого начала собиралась это сделать.

Включая аварийки и открывая дверь машины, она поймала себя на эгоистичном недовольстве. *Вы мне помешали, ослепительная леди!*

– Как вы там? – спросила Джейн.

– Все хорошо! – Женщина попыталась выпрямиться, но застонала, прижав руку к лодыжке. – Ах, черт! Подвернула лодыжку. Я такая идиотка. Вышла из машины – хотела сказать девушке за рулем в машине передо мной, чтобы перестала посылать эсэмэски. Поделом мне. Нечего было строить из себя дежурную по школе.

Джейн присела на корточки рядом с женщиной. У той были хорошо подстриженные

темные волосы до плеч, на носу – россыпь еле заметных веснушек. Эти веснушки навевали какие-то детские летние воспоминания и очень мило дополнялись тонкой подводкой вокруг глаз и нелепыми свисающими серьгами.

Недовольство Джейн совершенно улетучилось.

Ей нравилась женщина. Она хотела ей помочь.

И о чем это говорит? Если бы на ее месте была беззубая старая карга с носом в бородавках, то Джейн по-прежнему испытывала бы недовольство? Как это несправедливо! Как жестоко! Она готова проявить добрую волю, потому что ей нравятся веснушки этой женщины.

Вырез платья женщины был украшен замысловатым вышитым орнаментом из цветов. Сквозь лепестки просвечивала загорелая веснушчатая кожа.

– Необходимо сразу приложить лед, – сказала Джейн. Она узнала о травмах лодыжки, когда играла в нетбол. Было заметно, что лодыжка женщины начинает распухать. – И надо приподнять ногу.

Прикусив губу, Джейн огляделась в поисках помощников. Она не имела представления, как осуществить это на деле.

– Сегодня у меня день рождения, – с грустью произнесла женщина. – Мне сорок.

– С днем рождения, – сказала Джейн.

Ее приятно удивило, что женщина сорока лет упоминает о своем дне рождения.

Джейн взглянула на открытые туфли женщины, ногти которой были покрыты ярко-бирюзовым лаком. Тонкие, как зубочистки, каблуки-шпильки были опасно высокими.

– Неудивительно, что вы подвернули ногу, – заметила Джейн. – На таких каблуках невозможно ходить!

– Знаю, но разве они не великолепны? – Женщина повернула ногу, чтобы еще раз полюбоваться босоножкой. – Ой! Блин, как больно. Извините меня.

– Мамочка! – Из окна машины высунулась головка маленькой девочки с темными вьющимися волосами, стянутыми сверкающим обручем. – Что ты делаешь? Вставай! Мы опоздаем!

Ослепительная мать. Ослепительная дочь.

– Спасибо за участие, дорогая! – Женщина печально улыбнулась Джейн. – Мы едем в школу на ознакомительную встречу. Она очень волнуется.

– В школу Пирриви? – с изумлением спросила Джейн. – Мы тоже едем туда. Мой сын Зигги на будущий год пойдет в школу. Мы переедем сюда в декабре.

Казалось невероятным, что у нее есть что-то общее с этой женщиной или что их жизни могут пересечься.

– Зигги! Как Зигги Стардаст? Классное имя! – сказала женщина. – Между прочим, меня зовут Мадлен. Мадлен Марта Маккензи. Почему-то я всегда упоминаю Марту. Не спрашивайте зачем. – Она протянула руку.

– Джейн, – представилась Джейн. – Джейн без второго имени, Чепмен.

* * *

Габриэль. В конечном итоге школа разделилась на два лагеря. Это было нечто вроде, ну не знаю, гражданской войны. Человек мог быть в команде либо Мадлен, либо Ренаты.

Бонни. Нет-нет, это было ужасно. Но ничего такого. Лагерьей не было. Мы весьма сплоченная община. Слишком много выпивки. К тому же полная луна. Во время полной луны все немного сходят с ума. Я серьезно. Этот феномен можно фактически доказать.

Саманта. Разве была полная луна? Лило как из ведра, я точно помню. Потом у меня волосы стояли дыбом.

Миссис Липман. Это нелепо и позорно. Без дальнейших комментариев.

Кэрол. Да, я все время твержу о Клубе эротической книги, но я уверена: что-то произошло на одном из их маленьких собраний.

Харпер. Послушайте, я рыдала, когда мы узнали, что Эмили – одаренный ребенок. И подумала: ну вот, опять! Я уже прошла все это с Софией, поэтому знала, что мне предстоит! Рената оказалась в одной лодке со мной. Двое одаренных детей. Никто не понимает, какой это стресс. Рената беспокоилась, как Амабелла приживется в школе, хватит ли у нее мотивации и так далее. Так что, когда тот ребенок с нелепым именем Зигги натворил такое, причем утром ознакомительного дня, она, понятно, очень расстроилась. Вот с этого все и началось.

Джейн захватила с собой книгу, чтобы почитать, пока Зигги будет в школе, но вместо этого она с Мадлен Мартой Маккензи (это звучало как имя какой-нибудь вздорной девчушки из детской книжки) отправилась в приморское кафе под названием «Блю блюз».

Кафе, странное небольшое и бесформенное сооружение, напоминающее грот, стояло прямо на деревянном настиле, идущем вдоль пляжа Пирриви. Мадлен ковыляла босиком, без всякого стеснения тяжело опираясь на руку Джейн, словно они были давнишними подругами. Возникало чувство близости. Она чужла восхитительный цитрусовый аромат духов Мадлен. За последние пять лет взрослые нечасто прикасались к Джейн.

Едва они открыли дверь кафе, как к ним, раскинув руки, вышел из-за прилавка молодой мужчина с вьющимися светлыми волосами и пирсингом в носу. Одет он был во все черное.

– Мадлен! Что с тобой стряслось?

– Я серьезно травмирована, Том, – сказала Мадлен. – А у меня сегодня день рождения.

– О горе мне! – откликнулся Том и подмигнул Джейн.

Пока Том усаживал Мадлен в угловую кабинку и прикладывал к ее ноге, положенной на кресло с подушкой, лед в полотенце, Джейн разглядывала кафе. Оно было «совершенно очаровательным», как сказала бы ее мать. Ярко-голубые неровные стены увешаны шаткими полками, забитыми подержанными книгами. Деревянные половицы сияли золотом в утреннем солнце, и Джейн вдыхала пьянящую смесь ароматов кофе, выпечки, моря и старых книг. Столики стояли так, что сквозь полностью застекленную переднюю часть кафе был виден пляж, словно вы пришли сюда посмотреть морское шоу. Осматриваясь по сторонам, Джейн почувствовала досаду. Такое частенько случалось с ней в новом и симпатичном месте. Объяснить это она могла лишь словами: «Если бы только я была здесь». Это маленькое приморское кафе было столь изысканным, что она действительно жаждала быть там. Правда, она и так уже находилась там, а потому все это не имело смысла.

– Джейн, что желаешь? – спросила Мадлен. – В знак благодарности угощаю тебя кофе! – Она повернулась к суеющемуся баристе. – Том! Это Джейн. Она мой рыцарь в сияющих доспехах. Моя рыцарша.

Джейн подвезла Мадлен и ее дочь в школу, а перед тем с замиранием сердца припарковала громоздкий автомобиль Мадлен на боковой улочке. Она вынула из машины Мадлен детское сиденье для Хлои и установила его в своем небольшом хэтчбеке рядом с сиденьем Зигги.

Это было нечто. Она справилась.

Печально, но монотонная жизнь Джейн была виной тому, что происшествие показалось ей волнующим.

Зигги тоже смущенно таращил глаза на незнакомую девочку, сидящую с ним на заднем сиденье, в особенности такую живую и очаровательную, как Хлоя. Девчушка без умолку болтала всю дорогу, объясняя Зигги то, что ему следовало знать про школу: и какие будут учителя, и что им надо мыть руки, перед тем как войти в класс, и где они будут сидеть за обедом, и что нельзя приносить арахисовое масло, потому что у некоторых бывает на него аллергия и они могут умереть, и что у нее уже есть ланчбокс с Дорой Следопытом на нем. А что у Зигги на ланчбоксе?

– Баз Лайтер, – поспешно и вежливо ответил Зигги, но это было вранье, потому что Джейн еще не купила ему ланчбокс и они даже не обсуждали потребность в нем.

Зигги три дня в неделю посещал детскую группу, где его кормили. Джейн еще предстояло освоить комплектацию ланчбокса.

Когда они подъехали к школе, Мадлен осталась в машине, а Джейн отвела детей. По сути дела, отвела их Хлоя, вышагивая впереди с сияющей в солнечных лучах диадемой в волосах. В какой-то момент Зигги и Джейн обменялись взглядами, как бы спрашивая: «Кто эти удивительные люди?»

Джейн немного нервничала по поводу ознакомительного дня Зигги, сознавая, что ей следует скрывать свою нервозность от сына, у которого тоже была тревожная психика. Было такое чувство, что она приступает к новой работе – работе мамы ученика начальной школы. Будут новые правила, бумажная работа и новые процедуры.

Тем не менее они вошли в школу с Хлоей как будто по золотому билету. Их сразу же приветствовали две другие мамы:

– Хлоя! Где твоя мама?

Они представились Джейн, и Джейн поведала им историю про лодыжку Мадлен, а потом эту историю захотела услышать учительница подготовительного класса мисс Барнс, и Джейн оказалась в центре внимания, что было, честно говоря, очень приятно.

Красивое здание школы возвышалось на оконечности мыса, и краем глаза Джейн постоянно видела синеву далекого океана. Классные комнаты размещались в длинных низких зданиях из песчаника. Обсаженная деревьями игровая площадка таила в себе укромные места, подстегивающие воображение: уютные уголки среди деревьев, тайные тропинки и даже крошечный лабиринт для детей.

Когда Джейн ушла, Зигги вошел в класс, держа Хлою за руку и зардевшись от счастья, а Джейн, подойдя к машине, с восторгом увидела Мадлен на пассажирском месте, которая махала ей рукой и радостно улыбалась, словно Джейн была ее лучшей подругой. Джейн почувствовала, как напряжение внутри ее ослабевает.

А теперь она сидела в кафе «Блю блюз» в ожидании кофе, глядя на воду и ощущая на лице солнечный свет.

Может быть, их переезд сюда будет началом чего-то нового или концом старого, что даже и лучше.

– Скоро сюда приедет моя подруга Селеста, – сказала Мадлен. – Возможно, ты видела, как она привезла в школу своих мальчиков. Двух маленьких белокурых бандитов. Она высокая блондинка, красивая и беспокойная.

– Вряд ли, – сказала Джейн. – О чем ей беспокоиться, если она высокая красивая блондинка?

– Точно, – откликнулась Мадлен, словно это было ответом на вопрос. – У нее такой же замечательный и богатый муж. Они по-прежнему держатся за руки. И он милый. Он покупает подарки *мне*! Честно говоря, понятия не имею, почему я продолжаю с ней дружить. – Мадлен взглянула на часы. – Ах, она неисправима. Всегда опаздывает! Ну ладно, пока ждем, порасспрошу-ка я тебя. – Подавшись вперед, она обратила на Джейн все свое внимание. – Ты ведь новый человек на полуострове? Мне совсем незнакомо твое лицо. У нас дети одного возраста, и мы наверняка должны были бы пересекаться на развивающих занятиях или еще где-нибудь.

– Мы переезжаем сюда в декабре, – сказала Джейн. – Сейчас мы живем в Ньютауне, но я

подумала, что неплохо какое-то время пожить на побережье. Пожалуй, это был своего рода каприз.

Слово «каприз» возникло неизвестно откуда, обрадовав и одновременно смутив ее.

Она попыталась сочинить причудливую историю, как будто и в самом деле была эксцентричной женщиной. Она рассказала Мадлен, что однажды несколько месяцев назад она поехала с Зигги на побережье и, увидев объявление об аренде квартир, подумала: «А почему бы не пожить на побережье?»

В конце концов, это не было ложью. Не совсем ложью.

День на побережье, снова и снова повторяла она себе, пока ехала за рулем по этой длинной извилистой дороге, словно кто-то подслушивал ее мысли, расспрашивал о планах.

Пляж Пирриви входит в десятку самых красивых пляжей мира! Она где-то об этом читала. Ее сын заслуживает того, чтобы увидеть один из десяти самых красивых пляжей мира. Ее чудесный, необыкновенный сын. Она то и дело с замиранием сердца поглядывала на него в зеркало заднего вида.

Она не рассказала Мадлен о том, что, когда они, облепленные песком, рука об руку шли к машине, у нее в голове пронзительно звучало слово «помогите», словно она о чем-то умоляла – о решении, исцелении, передышке. Передышки от чего? Исцеления от чего? Решения для чего? Ей стало трудно дышать. Она ощутила на лбу капельки пота.

Потом она увидела объявление. Срок аренды их квартиры в Ньютауне истек. Квартира с двумя спальнями помещалась в некрасивом, скучном многоквартирном доме из красного кирпича, но всего в пяти минутах ходьбы от побережья. «А что, если мы переедем сюда?» – спросила она у Зигги, и у него загорелись глаза. Сразу показалось, что эта квартира решит все ее проблемы. Люди называют это резкой переменой. Почему бы ей с Зигги не решиться на резкую перемену?

Джейн не рассказала Мадлен, что, пытаясь как-то устроить свою жизнь, она с младенчества Зигги снимала квартиры на полгода по всему Сиднею. Она не сказала ей, что все это время она, может статься, ходила кругами вокруг побережья Пирриви.

И она не сказала Мадлен о том, что, выйдя из агентства недвижимости после подписания договора, она впервые обратила внимание на живущих на полуострове людей с их золотистой кожей и выгоревшими на солнце волосами. И еще подумала о своих бледных ногах под джинсами, а потом представила себе, как будут нервничать ее родители, проезжая по этой извилистой дороге, и как побелеют костяшки пальцев отца на руле, несмотря на то что они, не жалуясь, сделают это. И сразу же к Джейн пришло убеждение, что она совершила достойную порицания ошибку. Но было уже слишком поздно.

– И вот я здесь, – запинаясь, закончила она.

– Тебе здесь понравится, – с энтузиазмом заметила Мадлен. Поморщившись, она поправила лед на лодыжке. – Ох! Ты занимаешься сёрфингом? А твой муж? Или партнер, следовало сказать. Или парень? Подруга? Я приемлю любые варианты.

– Мужа нет, – ответила Джейн. – И партнера. Только я сама. Я мать-одиночка.

– Неужели? – произнесла Мадлен таким тоном, словно Джейн объявила о чем-то дерзком и чудесном.

– Да. – Джейн глупо улыбнулась.

– Знаешь, люди обычно предпочитают забыть о таком, но я тоже была матерью-одиночкой. – Мадлен вздернула подбородок, словно обращалась к толпе не согласных с ней людей. – Мой бывший муж бросил меня, когда моя старшая дочь была крошкой. Абигейл.

Сейчас ей четырнадцать. Я была тогда совсем молодой, как ты. Двадцать шесть. Хотя мне казалось, что у меня все позади. Было трудно. Трудно быть матерью-одиночкой.

– Но у меня есть мама и...

– Ну конечно, конечно. Я не говорю, что у меня не было поддержки. Мне тоже помогали родители. Но, боже правый, иногда выдавались ночи, когда Абигейл болела, или заболела я, или хуже того – когда мы обе болели, и... – Замолчав, Мадлен пожала плечами. – Мой бывший теперь женат на другой. У них девочка того же возраста, что и Хлоя, и Натана выбрали «отцом года». Мужчины часто меняются, когда им предоставляется второй шанс. Абигейл считает отца замечательным. Только одна я затаила на него обиду. Говорят, лучше забывать обиды. Ну не знаю... Я лелею свою, как любимую зверушку.

– Я тоже не готова все прощать, – заметила Джейн.

Улыбнувшись, Мадлен ткнула в ее сторону чайной ложкой:

– Это хорошо. Никогда не прощай. Никогда не забывай. Таков мой девиз. – (Джейн не могла понять, насколько серьезно это сказано.) – Ну а папа Зигги? – продолжала Мадлен. – Он, вообще-то, показывается?

Джейн и глазом не моргнула. За пять лет она преуспела в этом. Она словно оцепенела.

– Нет. Фактически мы не были вместе. – Джейн идеально вела свою роль. – Я не знала даже, как его зовут. Это было... – Молчание. Пауза. Взгляд в сторону, словно от смущения. – Всего один раз.

– Ты хочешь сказать, одна ночь? – моментально и с симпатией спросила Мадлен.

От удивления Джейн чуть не рассмеялась. Обычно на лицах людей, в особенности возраста Мадлен, появлялось сдержанно-неприязненное выражение, как бы говорящее: я все понимаю, но теперь вы становитесь для меня человеком другого сорта. Джейн никогда не обижалась на их неприязнь, которая вызывала у нее ответную неприязнь. Ей лишь хотелось, чтобы эта тема была раз и навсегда закрыта, и в основном так оно и случалось. Зигги сам по себе. Папы нет. И оставьте меня в покое.

– Почему бы тебе не говорить, что ты рассталась с его отцом? – спрашивала, бывало, ее мать.

– Мама, вранье все усложняет, – отвечала Джейн. У матери было мало опыта по части лжи. – А так разговор окончен.

– Помню я эти ночи любви, – с тоской произнесла Мадлен. – То, что я вытворяла в девяностые. Господи помилуй! Надеюсь, Хлоя никогда не узнает. О горе мне! У тебя кайфово было?

Джейн не сразу поняла вопрос. Мадлен спрашивала, кайфовая ли была ее единственная ночь.

На миг Джейн перенеслась в стеклянную кабину лифта, бесшумно скользящую внутри здания отеля. У него в руке бутылка шампанского. Другой рукой, лежащей на ее пояснице, он прижимает ее к себе. Они оба громко хохочут. В углах его глаз глубокие морщинки. Она слабеет от смеха и желания. Дорогие ароматы.

Джейн откашлялась:

– Пожалуй, да – кайфово.

– Извини, – произнесла Мадлен. – Я позволила себе лишнее. Это потому, что я вспомнила свою бесшабашную юность. Или потому, что ты такая молодая, а я такая старая и корчу из себя крутую. Сколько тебе лет? Ничего, что я спросила?

– Двадцать четыре, – ответила Джейн.

– Двадцать четыре, – выдохнула Мадлен. – А мне сегодня сорок. Я уже тебе говорила, верно? Наверное, ты думаешь, тебе никогда не будет сорока, а?

– Ну, надеюсь, что доживу до сорока, – сказала Джейн.

Она и раньше замечала, что женщины средних лет одержимы темой возраста, то высмеивая этот предмет, то сокрушаясь о нем, они постоянно возвращались к этой теме, словно процесс старения – мудреная головоломка, ждущая разгадки. И почему это так сильно озадачивает их? У приятельниц матери Джейн, казалось, не было другой темы для разговора, по крайней мере когда они общались с Джейн. «Ах, Джейн, ты такая молодая и красивая, Джейн!» Однако это было неправдой. По их мысли, одно автоматически вытекает из другого: если ты молода, значит красива. «О, ты такая молодая, Джейн, и поможешь мне разобраться с телефоном / компьютером / камерой». На самом деле многие из маминых друзей лучше Джейн разбирались в технике. «О, ты такая молодая, Джейн, и у тебя столько энергии!» А на самом деле она так устала, так сильно устала.

– Послушай, а на что же вы живете? – обеспокоенно спросила Мадлен и выпрямилась на стуле, словно эта проблема требовала ее немедленного разрешения. – Ты работаешь?

Джейн кивнула:

– Да, я работаю внештатным бухгалтером. У меня сейчас хорошая клиентура, масса мелких предприятий. Я шустрая и быстро проворачиваю дела. Этого хватает на ренту.

– Умница, – похвалила ее Мадлен. – Когда Абигейл была маленькая, я тоже обеспечивала себя сама. По большей части. Время от времени Натан присылал мне чек. Было трудно, но радовало то, что можно послать его подальше. Ты ведь понимаешь, о чем я?

– Конечно, – ответила Джейн.

Жизнь Джейн в роли матери-одиночки не позволяла ей послать кого-нибудь подальше. Или, по крайней мере, не в том смысле, который подразумевала Мадлен.

– Ты наверняка будешь одной из самых юных мам в подготовительном классе, – задумчиво произнесла Мадлен. Отхлебнув кофе, она язвительно усмехнулась. – Ты даже моложе восхитительной новой жены моего бывшего мужа. Обещай, что не станешь с ней дружить, ладно? Я первая тебя нашла.

– Уверена, что даже не встречусь с ней, – сказала Джейн со смущением.

– Встретишься, – с ухмылкой откликнулась Мадлен. – Ее дочь пойдет в школу одновременно с Хлоей. Представляешь? – (Джейн не могла себе этого представить.) – Все мамочки будут пить кофе, а жена моего бывшего будет сидеть напротив, прихлебывая травяной чай. Не волнуйся, потасовки не будет. К несчастью, все такие скучные, приветливые и жутко взрослые. Бонни даже чмокает меня при встрече. Она занимается йогой, чакрами и всей этой фигней. Знаешь, а ведь полагается ненавидеть злобную мачеху. Моя дочь обожает ее. Бонни, видишь ли, такая спокойная. Полная противоположность мне. Она разговаривает таким приятным... тихим... мелодичным голосом, от которого хочется двинуть кулаком по стене.

Услышав, как Мадлен подражает тихому мелодичному голосу, Джейн рассмеялась.

– Не исключено, что ты подружишься с Бонни, – сказала Мадлен. – Ее невозможно ненавидеть. Я здорово умею ненавидеть, но даже мне это сложно. Мне и в самом деле приходится вкладывать в это всю душу. – Она вновь поправила лед на лодыжке. – Когда Бонни узнает о моей лодыжке, то принесет мне угощение. Она пользуется любым предлогом, чтобы принести мне домашней еды. Вероятно, потому, что Натан сказал ей, что я ужасная стряпуха, и она хочет что-то доказать. Хотя самое противное в Бонни то, что она, пожалуй,

ничего никому не доказывает. Просто она до одури мила. Мне захочется выбросить ее стряпню в мусорное ведро, но у нее все чертовски вкусное. Мой муж и дети убили бы меня за это. – Но тут выражение лица Мадлен изменилось. Просияв, она помахала кому-то. – О-о! Наконец-то пришла! Селеста! Иди сюда! Посмотри, что я натворила!

Джейн подняла глаза, и сердце у нее упало.

Не стоит придавать этому значения. Она знала, не стоит придавать этому значения. Но тот факт, что некоторые люди так непозволительно, до обидного красивы, заставляет стыдиться себя. Всему свету напоказ выставлать собственную неполноценность. Вот как должна выглядеть женщина. Именно так. Она права, а Джейн – нет.

«Ах ты, жирная, безобразная девчонка», – настойчиво бубнил ей в ухо голос, обдавая запахом перегара.

Вздрогнув, она постаралась улыбнуться направляющейся к ним жутко красивой женщине.

* * *

Теа. Полагаю, вам уже говорили, что Бонни замужем за бывшим мужем Мадлен, Натаном? В этом сложность. Возможно, вы захотите это расследовать. Я, разумеется, не собираюсь учить вас, как работать.

Бонни. Это никак не относится к делу. У нас вполне приятельские отношения. Только этим утром я оставила у них на крыльце вегетарианскую лазанью для ее бедного мужа.

Габриэль. Я была в этой школе новичком. Не знала там ни души. «О, в нашей школе все такие сплоченные», – сказала мне директриса. Все это вздор. Знаете, первое, что я заметила, придя на игровую площадку в тот ознакомительный день, – это разделение родителей на группы. Группки, группки, группки. Неудивительно, что все закончилось чьей-то смертью. Ну ладно, это преувеличение. Я, конечно, немного удивилась.

Селеста толкнула стеклянную дверь «Блю блюз» и сразу увидела Мадлен. Та сидела за столом с невысокой худощавой девушкой, одетой в голубую джинсовую юбку и простую белую футболку. Селеста не знала эту девушку. На миг она испытала недовольство. «Только мы с тобой», – говорила перед встречей Мадлен.

Селесте пришлось пересматривать утренние ожидания. Она сделала глубокий вдох. В последнее время она стала замечать, что во время разговора с людьми в компании с ней происходит что-то странное. Она не вполне понимала, как себя вести. Иногда ловила себя на мысли: «Я слишком громко рассмеялась? Не засмеялась вовремя? Повторяюсь?»

Почему-то, когда они были вдвоем с Мадлен, все было хорошо и ничто ее не травмировало. Наверное, потому, что они уже давно знакомы.

Может быть, ей нужно какое-то укрепляющее средство. Так сказала бы ее бабушка. Какого рода укрепляющее средство?

Селеста стала пробираться к ним между столиками. Поглощенные разговором, они пока не замечали ее. Она хорошо рассмотрела профиль девушки. Слишком молодая для школьной мамочки. Няня или au pair^[1]. Вероятно, au pair. Может быть, из Европы? Не очень сильна в английском? Это объяснило бы ее несколько напряженную позу. Конечно, может быть, она не имеет к школе никакого отношения. Мадлен с легкостью вращалась в смежных социальных кругах, по ходу дела приобретая пожизненных друзей и пожизненных врагов – последних, пожалуй, больше. Она упивалась конфликтами и любила дать волю гневу.

Мадлен увидела Селесту, и лицо ее осветилось. Одной из приятных черт Мадлен было то, как менялось ее лицо при виде вас, словно вы единственный на свете человек, которого она рада видеть.

– Привет новорожденной! – выкрикнула Селеста.

Собеседница Мадлен обернулась. Ее каштановые волосы были гладко зачесаны назад, словно она служит в армии или полиции.

– Мадлен, что случилось? – спросила Селеста, подойдя ближе и увидев ногу Мадлен на стуле.

Она вежливо улыбнулась девушке, которая в ответ сжалась, словно Селеста не улыбнулась, а усмехнулась. Господи, она ведь улыбнулась ей, да?

– Это Джейн, – сказала Мадлен. – Она помогла мне, когда я подвернула ногу, пытаюсь спасти молодые жизни. Джейн, это Селеста.

– Привет, – сказала Джейн.

Кожа на лице Джейн казалась какой-то незащищенной и грубой, как будто ее только что скребли щеткой. Незаметно двигая челюстями, словно стараясь скрыть это, она жевала жвачку.

– Джейн – новая мама подготовительного класса, – сказала Мадлен, когда Селеста села. – Как и ты. Так что мне предстоит познакомить вас обеих со школьной политикой в Пирриви. Это минное поле, девочки. Говорю вам, минное поле.

– Школьной политикой? – Нахмурившись, Джейн обеими руками еще крепче затянула конский хвост. – Я не буду участвовать в школьной политике.

– Я тоже, – согласилась Селеста.

Джейн всегда будет помнить, как в тот день опрометчиво искушала судьбу. «Я не буду участвовать в школьной политике», – сказала она. Кто-то наверху услышал это, и ему не понравилось ее отношение. Чересчур самоуверенно. «Мы займемся этим», – сказал некто, откинувшись на стуле и от души рассмеявшись.

Селеста подарила Мадлен комплект бокалов для шампанского из уотерфордского хрусталя.

– О господи, какая прелесть! Они восхитительны! – воскликнула Мадлен. Осторожно вынув один бокал из коробки, она поднесла его к свету, восхищаясь изысканной формой и рядами крошечных лун. – Наверное, ты потратила на них целое состояние.

Она едва не сказала: «Слава богу, ты такая богатая, дорогая», но вовремя остановилась. Будь они вдвоем, могла бы и сказать, но, очевидно, Джейн, молодая мать-одиночка, малообеспечена. Кроме того, говорить о деньгах в компании невежливо. Конечно, она это знала. Словно защищаясь, она мысленно сказала это мужу, который всегда напоминал ей о социальных нормах, которые она стремилась нарушить.

Почему им всем приходится деликатничать с темой денег Селесты? Словно богатство – сложный медицинский случай. То же самое относилось к красоте Селесты. Незнакомые люди бросали на Селесту взгляды украдкой, как на безрукую или безногую калеку. Если же Мадлен говорила что-то о внешности Селесты, та ужасно смущалась. «Ш-ш-ш», – говорила она, в страхе оглядываясь по сторонам – не слышал ли кто. Каждый хочет быть богатым и красивым, но по-настоящему богатым и красивым приходится притворяться, что они такие же, как все. Ах, этот чудной старый мир!

– Итак, школьная политика, девочки, – осторожно поместив бокал в коробку, сказала Мадлен. – Начнем с блондинок с модной стрижкой.

– Модные Стрижки? – Селеста посмотрела искоса, словно ей предстоял какой-то тест.

– Модные Стрижки правят школой. Если хочешь состоять в школьном совете, ты должна иметь такую стрижку. – Мадлен показала рукой длину стрижки. – Это как устав.

Джейн фыркнула, и Мадлен сразу же захотелось снова заставить ее смеяться.

– Так эти женщины симпатичные? – спросила Селеста. – Или нам следует избегать их?

– Ну, у них хорошие намерения, – ответила Мадлен. – У них очень, очень хорошие намерения. Они нечто вроде... мам-старост класса. У них очень четкие представления о роли школьных мам. Это у них как религия. Они матери-фундаменталистки.

– А среди детсадовских мам есть Модные Стрижки? – поинтересовалась Джейн.

– Ну-ка, посмотрим, – начала Мадлен. – О да, Харпер. Она типичная Модная Стрижка. Она входит в школьный совет, и у нее страшно одаренная дочь со слабой аллергией на орехи. Она счастливица, олицетворение духа времени.

– Ладно тебе, Мадлен, какое счастье в том, что у тебя ребенок с аллергией на орехи? – спросила Селеста.

– Знаю, – сказала Мадлен, которая в своем желании рассмешить Джейн немного рисовалась. – Шучу. Посмотрим. Кто еще? Есть еще Кэрол Куигли. Она помешана на чистоте. Все время бегает туда-сюда с флаконом моющей жидкости.

– Неправда, – возразила Селеста.

– Правда!

– А как насчет папаш?

Джейн распечатала пачку жвачки и, как незаконную контрабанду, отправила себе в рот

очередную пластинку. Казалось, она помешана на жвачке, хотя было совсем незаметно, что она жует. Задавая этот вопрос, она избегала взгляда Мадлен. Надеется ли она встретить отца-одиночку?

– До меня дошли слухи, что в этом году в подготовительном классе у нас есть как минимум один не работающий отец, – сообщила Мадлен. – Его жена – важная птица в корпоративном мире. Джеки Какая-То-Там. По-моему, она исполнительный директор банка.

– Не Джеки Монгомери? – спросила Селеста.

– Точно.

– Боже правый, – пробормотала Селеста.

– Вероятно, мы ее даже не увидим. Для матерей, работающих полный рабочий день, это сложно. Кто у нас еще работает полный рабочий день? А-а, Рената. Занимается финансами – акциями или фондовым опционом, не знаю. Так это называется? Или, может быть, она аналитик. Анализирует всякую всячину. Каждый раз, когда спрашиваю ее про работу, забываю выслушать ответ. Ее дети тоже гении. Очевидно.

– Так Рената – Модная Стрижка? – спросила Джейн.

– Нет-нет! Она бизнес-леди. У нее няня на полном рабочем дне. Кажется, она только что привезла новую из Франции. Ей нравится все европейское. У Ренаты нет времени на помощь по школе. Когда бы с ней ни говорили, она или только что была на собрании членов правления, или отправляется на собрание, или готовится к собранию. Интересно, как часто проводятся эти собрания?

– Ну, это зависит от... – начала Селеста.

– Вопрос был риторический, – прервала ее Мадлен. – Просто я хотела сказать, что она каждые пять минут поминает собрание членов правления, точно так же, как Теа Каннингем без конца повторяет, что у нее четверо детей. Кстати, она тоже детсадовская мама. Ей никак не свыкнуться с мыслью, что у нее четверо детей. Я стерва, да?

– Да, – согласилась Селеста.

– Извините, – с искренним сожалением сказала Мадлен. – Просто я пыталась развеселить вас. Виновата моя нога. Seriously, школа чудесная, и все такие чудесные, и мы будем прекрасно проводить время и познакомимся с новыми чудесными друзьями.

Джейн фыркнула, не переставая тактично жевать жвачку. Похоже, она одновременно пила кофе и жевала резинку. В этом было нечто своеобразное.

– Ну а эти одаренные и талантливые дети? – спросила Джейн. – Их тестируют или что-то еще?

– Существует целая система определения способностей, – сказала Мадлен. – А дети занимаются по специальным программам. Они остаются в том же классе, но им дают более сложные задания, а иногда для них проводят занятия учителя-предметники. Послушайте, вы же не захотите, чтобы ваш ребенок скучал на уроке, ожидая, пока все подтянутся. Я-то это понимаю. Просто я начинаю немного... Ну, например, в прошлом году у меня был небольшой конфликт с Ренатой.

– Мадлен обожает конфликты, – сообщила Селеста Джейн.

– Ренате как-то удалось выкроить время между собраниями членов правления и организовать эксклюзивный поход в театр для одаренных детей. Да ладно, для посещения театра необязательно быть чертовски одаренным. Я менеджер по маркетингу театра Пирриви, поэтому я об этом пронюхала.

– Она, конечно, выиграла, – усмехнулась Селеста.

– Выиграла, конечно, я, – откликнулась Мадлен. – Я получила специальную групповую скидку, и все дети пошли в театр, а в антракте родители пили шампанское за полцены. Мы отлично провели время.

– Кстати, об этом! – воскликнула Селеста. – Чуть не забыла подарить тебе шампанское! Взяла я его... Вот и оно. – Суетливо покопавшись в объемистой сумке из соломки, она извлекла бутылку «Боланже». – Я же не могла подарить тебе бокалы для шампанского без шампанского.

– Давайте выпьем немного!

С неожиданным воодушевлением Мадлен подняла бутылку за горлышко.

– Нет-нет, – возразила Селеста. – Ты с ума сошла? Пить еще слишком рано. Через два часа нам ехать за детьми. И оно не охлажденное.

– Завтрак с шампанским! – воскликнула Мадлен. – Выпьем шампанского с апельсиновым соком. По полбокала каждой! Еще больше двух часов. Джейн, присоединишься?

– Пожалуй, я выпила бы глоток, – сказала Джейн. – Я быстро пьянею.

– Не сомневаюсь, при твоём-то весе, – заметила Мадлен. – Мы поладим. Люблю слабаков. Мне больше достанется.

– Мадлен, – вставила Селеста, – побереги бутылку для другого раза.

– Но сегодня Праздник Мадлен, – с грустью произнесла Мадлен. – И у меня травма.

Селеста закатила глаза:

– Передай мне бокал.

* * *

Теа. Когда Джейн забирала Зигги из школы, она была в подпитии. Знаете, это всего лишь дополнительные штрихи к уже готовому портрету. Молодая мать-одиночка с утра напивается. И эта жвачка. Не очень хорошее первое впечатление. Больше я ничего не скажу.

Бонни. Я вас умоляю, никто не напивался! У них был завтрак с шампанским в «Блю блюз» в честь сорокалетия Мадлен. И они много хихикали. Так мне, по крайней мере, говорили. Мы не попали на ознакомительный день в школе, потому что были в семейном лечебном пансионате в Байрон-Бей. Потрясающая духовная практика. Хотите, дам адрес сайта в Интернете?

Харпер. С самого первого дня стало ясно, что Мадлен, Селеста и Джейн неразлейвода. Они пришли, обнявшись, как двенадцатилетние девчонки. Нас с Ренатой не пригласили на их междусобойчик, хотя мы знаем Мадлен с тех пор, как наши дети вместе ходили в детский сад. Но, как я сказала в тот вечер Ренате, когда мы пробовали изумительные блюда в ресторане «Реми» (кстати, это было до того, как его открыл весь Сидней), мне на это совершенно наплевать.

Саманта. Я работала. В школу Лили привез Стюарт. Он упоминал о том, что несколько мам только что приехали с завтрака с шампанским. Я сказала: «Ладно. Как их зовут? Похоже, это наши люди».

Джонатан. Я все это пропустил. Мы со Стюартом говорили о крикете.

Мелисса. Не я это придумала, но, вероятно, Мадлен Маккензи в то утро так напилась, что упала и вывихнула лодыжку.

Грэм. Полагаю, ваши замечания не по адресу. Не понимаю, каким образом неосмотрительный завтрак с шампанским мог привести к убийству и нанесению увечья.

* * *

Шампанское не бывает неуместным. Мадлен всегда следовала этому заклинанию.

Но потом Мадлен все-таки подумала, что на этот раз ее мнение оказалось несколько ошибочным. Не потому, что они напились. Нет, конечно. А потому, что, когда они втроем, смеясь, вошли в школу (Мадлен не захотела остаться в машине и пропустить Хлою, так что она, подпрыгивая на одной ноге, повисла у них на руках), их окружала аура заправских тусовщиц.

Людям обычно не нравится, когда их не приглашают в тусовку.

Джейн приехала в школу за Зигги совершенно трезвая. Она и выпила-то максимум три глотка шампанского.

Но она пребывала в состоянии эйфории. Хлопанье пробки, вылетевшей из бутылки шампанского, само это неожиданное утро, красивые хрупкие удлиненные бокалы, в которых играл солнечный свет, бариста с внешностью сёрфера, принесший три изысканных маленьких кекса со свечами, запах океана, предчувствие того, что она, быть может, подружится с этими женщинами, совершенно не похожими на ее подруг: старше, богаче и утонченней.

– Когда Зигги пойдет в школу, у тебя появятся новые друзья! – любила с чувством повторять ее мать.

Это раздражало Джейн, которая изо всех сил старалась не фыркать и не уподобляться надутому нервному подростку, перешедшему в новую школу. У матери Джейн было три лучших подруги, с которыми она познакомилась двадцать пять лет назад, когда старший брат Джейн, Дэйн, пошел в детский сад. В то первое утро они вместе отправились пить кофе и с тех пор не разлучались.

– Мне не нужны новые друзья, – ответила тогда Джейн матери.

– Нет, нужны, – возразила мать. – Тебе надо подружиться с другими мамами. Вы будете поддерживать друг друга! Они поймут, что тебе пришлось испытать.

Но Джейн уже пыталась подружиться с матерями, но у нее ничего не вышло. Она не могла найти общий язык с этими привлекательными и болтливыми женщинами. Ее раздражали их оживленные разговоры о мужьях, не получающих повышения по службе, о ремонте, не законченном к моменту рождения ребенка, и о том восхитительном времени, когда они из-за хлопот и усталости выходили из дома, даже не накрасившись! Джейн, которая в то время не пользовалась косметикой и никогда ею не пользовалась, хранила невозмутимое выражение лица, но ей хотелось крикнуть: «Какого хрена!»

И все же, как ни странно, она находила общий язык с Мадлен и Селестой, хотя у них не было ничего общего, кроме того, что их дети пойдут в один класс. И хотя Джейн не сомневалась, что Мадлен никогда не выйдет из дому без макияжа, она чувствовала, что они с Селестой, которая тоже не делала макияжа – ее красота не нуждалась в улучшениях, – могут поддразнивать Мадлен на этот счет и та будет смеяться и отшучиваться, словно они давнишние подруги.

Так что Джейн не была готова к тому, что произошло.

Она потеряла бдительность, увлеченная знакомством со школой Пирриви (все такое удобное и компактное; от этого жизнь могла показаться легкой и приятной). Она наслаждалась солнечным теплом и новым для нее запахом моря. Джейн радовалась в предвкушении школьной жизни Зигги. Впервые с его рождения на нее не давила ответственность за воспитание Зигги. Из ее новой квартиры до школы можно было дойти пешком. Они будут каждый день ходить в школу пешком, мимо пляжа, через поросший деревьями холм.

Из ее собственной пригородной начальной школы открывался вид на шестиполосное шоссе, и туда доносились запахи жареной курицы из соседнего магазина. Там не было с умом спроектированных тенистых игровых зон с очаровательными мозаичными

изображениями дельфинов и китов. Там, безусловно, не было фресок со сценами из подводной жизни моря или каменных скульптур черепах в середине песочниц.

– Эта школа такая чудесная, – сказала она Мадлен, пока они с Селестой помогали Мадлен допрыгать до скамьи. – Просто волшебная.

– Знаю. На прошлогоднем вечере викторин были собраны средства для реконструкции школьного двора, – сообщила Мадлен. – Модные Стрижки умеют собирать деньги. Темой викторины было «Знаменитости прошлого». Мы здорово повеселились. Послушай, как ты относишься к вечерам викторин, Джейн?

– Отлично, – ответила Джейн. – Я знаток по части викторин и пазлов.

– Пазлов? – переспросила Мадлен, усаживаясь на выкрашенную в голубой цвет деревянную скамью, опоясывающую ствол фигового дерева, и вытягивая перед собой ногу. – Ну, пазлы не для меня!

Скоро вокруг них собралась толпа родителей, и Мадлен открыла сходку, знакомя Джейн и Селесту с мамами старших детей и рассказывая всем историю о том, как она, спасая юные жизни, подвернула ногу.

– Как это похоже на Мадлен, – обратилась к Джейн добродушная на вид женщина по имени Кэрол, в цветастом платье с рукавами фонариком и в соломенной шляпе с большими полями.

Женщина выглядела так, словно собиралась пойти в обшитую белой вагонкой церковь из «Маленького дома в прериях». Кэрол? Не та ли это Кэрол, про которую Мадлен сказала, что она помешана на чистоте? Чистюля Кэрол.

– Мадлен любит подраться, – сказала Кэрол. – Может наскочить на любого. Наши сыновья вместе играют в футбол, и в прошлом году она повздорила с одним огромным папашей. Все мужья попрятались, а Мадлен стоит перед ним и тычет пальцем ему в грудь, вот так, не уступая ни на йоту. Удивительно, что ее не убили.

– А, этот! Организатор футбольной секции для детей до семи лет. – У Мадлен эти слова прозвучали как «серийный убийца». – Не перестану ненавидеть этого мужика до смертного часа!

Тем временем Селеста немного отошла в сторону, разговаривая нерешительным, запинаящимся голосом в присущей ей манере, как успела заметить Джейн.

– Как, вы сказали, зовут вашего сына? – спросила Кэрол у Джейн.

– Зигги, – ответила Джейн.

– Зигги, – с сомнением повторила Кэрол. – Это какое-то иноземное имя?

– Привет, я Рената! – Женщина с короткими седыми волосами и темно-кариими глазами за стеклами модных очков в черной оправе протянула Джейн руку. Женщина чем-то напоминала политика и произнесла свое имя со странным нажимом, как будто Джейн ждала ее появления.

– Привет! Я Джейн. Как поживаете? – Джейн попыталась ответить столь же энергично. Она подумала, уж не директор ли это школы.

К ним подошла модно одетая блондинка с желтым конвертом в руке. Джейн подумала, что ее, вероятно, можно отнести к Модным Стрижкам.

– Рената, – проигнорировав Джейн, сказала блондинка. – У меня с собой отчет по образованию, о котором мы говорили за ужином...

– Одну минуту, Харпер, – немного нетерпеливо произнесла Рената и вновь повернулась к Джейн. – Джейн, приятно познакомиться. Я мама Амабеллы, а мой сын Джексон учится во

втором классе. Кстати, имя произносится «Амабелла», а не «Анабелла». Французское. Мы его не придумали.

Харпер, склонившись над плечом Ренаты, почтительно кивала – совсем как люди, стоящие на пресс-конференции за спинами политиков.

– Знаете, я хотела познакомить вас с няней Амабеллы и Джексона, француженкой. Это Джульетта.

Рената указала на миниатюрную девушку с коротко подстриженными рыжими волосами и странно притягательным лицом, на котором выделялся большой рот с соблазнительными губами. Она напоминала хорошенькую инопланетянку.

– Приятно познакомиться. – Няня протянула безвольную руку. У нее был заметный французский акцент и жутко скучающий вид.

– Мне тоже, – откликнулась Джейн.

– Я всегда считала, что няням полезно знакомиться друг с другом. – Рената поражала своим энтузиазмом. – Маленькая группа поддержки, так сказать! Какой вы национальности?

– Рената, Джейн не няня! – едва сдерживая смех, выкрикнула Мадлен со скамьи.

– Ну, значит, au pair, – нетерпеливо сказала Рената.

– Рената, послушай, она мама, – пояснила Мадлен. – Просто она молодая. Знаешь, мы тоже были такими.

Словно опасаясь розыгрыша, Рената с тревогой взглянула на Джейн, но та ничего не успела сказать, поскольку кто-то произнес:

– Вот они!

Все родители устремились вперед, когда миловидная блондинка с ямочками на щеках – учительница подготовительного класса, как будто специально выбранная на эту роль, – вывела детей на улицу.

Первыми вырвались, словно ими выстрелили из пушки, два светлоголовых мальчугана и сразу подбежали к Селесте.

– Ох! – вскрикнула Селеста, когда две головки уткнулись в ее живот.

– До знакомства с маленькими дьяволятами Селесты я приветствовала идею о близнецах, – говорила Мадлен Джейн, когда они пили шампанское с апельсиновым соком, а Селеста смущенно улыбалась, нисколько не обидевшись.

Держа за руки двух похожих на принцесс девочек, из класса неторопливо вышла Хлоя. Джейн в тревоге искала среди детей Зигги. Неужели Хлоя дала ему отставку? Вот же он. Он выходил из класса одним из последних, но вид у него был счастливый. Джейн подняла вверх большой палец, как бы спрашивая «о'кей?», и Зигги с улыбкой поднял вверх оба больших пальца.

Неожиданно всеобщее внимание привлек детский плач. Плакала маленькая девочка с вьющимися волосами, которая выходила последней из класса, ссутулившись и держась за шею.

– Ах! – вырвался вздох у всех мам, потому что у девочки был такой несчастный вид и такие прелестные волосы.

Джейн смотрела, как Рената бросилась вперед, а за ней не спеша последовала странная няня. Мать, няня и белокурая учительница наклонились к девочке.

– Мапочка! – Зигги подбежал к Джейн, и она подхватила его. Казалось, они давно не виделись, словно оба побывали в дальних экзотических странах. Она зарылась носом в его волосы.

– Ну, как все прошло? Интересно было?

Он не успел ответить, потому что учительница сказала:

– Прошу у всех родителей и детей минуту внимания. У нас было чудесное утро, но необходимо потолковать об одной вещи. Это довольно серьезно.

Ямочки на щеках учительницы задрожали, словно она старалась прогнать их до более подходящего случая.

Джейн опустила Зигги на пол.

– Что происходит? – спросила чья-то мама.

– Наверное, что-то случилось с Амабеллой, – сказала другая.

– О господи! – тихо произнесла еще одна мама. – Сейчас увидим, как Рената выйдет на тропу войны.

– Кто-то только что ударил Анабеллу, простите, Амабеллу, и я хочу, чтобы этот человек вышел сюда и извинился, потому что мы не обижаем друзей в школе, верно? – сказала учительница строгим голосом. – А если обидели, то просим прощения, потому что так поступают большие дети.

Воцарилась тишина. Дети или в оцепенении смотрели на учительницу, или раскачивались взад-вперед, глядя на носки туфель. Некоторые прятали лица в маминых юбках.

Один из близнецов Селесты дергал ее за блузку.

– Я хочу есть!

Мадлен проковыляла от скамейки под деревом и встала рядом с Джейн.

– Что за суматоха? – Она осмотрелась по сторонам. – Я не знаю даже, где Хлоя.

– Кто это был, Амабелла? – спросила Рената у девочки. – Кто тебя обидел?

Девочка произнесла что-то невнятное.

– Может быть, это вышло случайно? – с отчаянием спросила учительница.

– Ради всего святого, это не было случайностью! – выпалила Рената. Лицо ее горело праведным гневом. – Кто-то пытался ее задушить. На шее видны следы. У нее, наверное, будут синяки.

– Боже правый! – ужаснулась Мадлен.

Джейн наблюдала, как учительница, присев на корточки, обняла девочку за плечи и зашептала ей что-то на ухо.

– Ты заметил, что случилось? – спросила Джейн у Зигги.

Он энергично замотал головой.

Учительница поднялась и, теребя серьги в ушах, повернулась к родителям:

– Вероятно, кто-то из мальчиков... Гм, да. Проблема в том, что дети еще не знают друг друга по имени, и Амабелла не может сказать мне, кто именно из мальчиков...

– Мы так этого не оставим! – прервала ее Рената.

– Не оставим! – поддержала ее светловолосая подруга.

Харпер, подумала Джейн, стараясь запомнить все имена.

Учительница тяжело вздохнула:

– Конечно не оставим. Я хотела бы попросить детей, нет, пожалуй, только мальчиков на минутку подойти ко мне.

Родители стали легонько подталкивать сыновей вперед.

– Иди туда, – сказала Джейн Зигги.

Он схватил ее за руку и жалобно посмотрел на мать:

– Я хочу домой.

– Все в порядке, – подбодрила его Джейн. – Только на минутку.

Зигги отошел от нее и встал рядом с мальчиком на голову выше себя. У того были черные вьющиеся волосы и широкие плечи. Он напоминал маленького гангстера.

Мальчики встали перед учительницей в неровную шеренгу. Их было около пятнадцати, разного роста и комплекции. Белокурые близнецы Селесты стояли в конце; один из них возил маленькой машинкой по голове брата, а тот отмахивался от нее, как от мухи.

– Это похоже на опознание в полиции, – заметила Мадлен.

Кто-то захихикал:

– Перестань, Мадлен.

– Они должны смотреть вперед, а потом повернуться в профиль, – продолжала Мадлен. – Если это один из твоих мальчиков, Селеста, она не сможет различить их. Придется делать анализ ДНК. Послушай, а у однойяйцевых близнецов одинаковая ДНК?

– Легко тебе смеяться, Мадлен, твой ребенок вне подозрения, – сказала другая мама.

– У них одинаковая ДНК, но разные отпечатки пальцев, – откликнулась Селеста.

– Понятно, значит, придется снимать отпечатки пальцев, – сказала Мадлен.

– Ш-ш-ш, – сдерживая смех, зашикала Джейн.

Она искренне сочувствовала матери ребенка, которого собирались прилюдно унижить.

Девчушка по имени Амабелла держалась за мамину руку. Рыжеволосая няня, сложив на груди руки, отступила на шаг назад.

Амабелла разглядывала шеренгу мальчиков.

– Это он. – Почти сразу она указала на маленького гангстера. – Это он пытался меня задушить.

Я так и знала, подумала Джейн.

Но потом воспитательница почему-то положила руку на плечо Зигги, и маленькая девочка закивала, а Зигги замотал головой:

– Это не я!

– Да, ты, – сказала девочка.

* * *

Сержант уголовной полиции Эдриан Куинлан. Для выяснения причин смерти будет произведено вскрытие, но на данном этапе я утверждаю, что жертва страдала переломами ребер с правой стороны, раздроблением костей таза, а также переломами основания черепа, костей правой ступни и позвонков поясничного отдела.

Огоре мне! – подумала Мадлен.

Чудненько. Она только что подружилась с матерью маленького бандита. В машине он показался ей таким милым и славным. Слава богу, он не пытался задушить Хлою. Из этого ничего не вышло бы. Хлоя нокаутировала бы его правым хуком.

– Зигги ни за что бы... – пролепетала Джейн.

Ее лицо побелело, она была вне себя от ужаса. Мадлен увидела, что другие родители стали понемногу отступать от Джейн, и вокруг нее образовалось пространство.

– Не переживай. – Мадлен сочувственно положила ладонь на плечо Джейн. – Это же дети! Они еще не вполне цивилизованные!

– Извините.

Обойдя двух мам, Джейн вступила в маленькую толпу, словно взошла на сцену. И положила руку на плечо Зигги. Сердце Мадлен разрывалось из-за них обоих. Джейн по виду могла бы сойти за ее дочь. По сути дела, Джейн немного напоминала ей Абигейл – та же ершистость, тот же робкий сдержанный юмор.

– О господи, – сокрушалась Селеста рядом с Мадлен. – Это ужасно.

– Я ничего не сделал, – звонким голосом произнес Зигги.

– Зигги, нам лишь нужно, чтобы ты попросил прощения у Амабеллы, вот и все, – сказала мисс Барнс.

Бек Барнс учила Фреда, когда он был в подготовительном классе. Тогда она только что окончила педагогический колледж. Все у нее шло хорошо, но она была еще очень молода и излишне старалась угодить родителям. С такими мамами, как Мадлен, проблем не было, а вот с Ренатой Клейн приходилось туго. Хотя, по правде сказать, любой родитель попросил бы извиниться, если бы другой ребенок стал душить его чадо. Пожалуй, свою роль сыграло и то, что Мадлен выставила Ренату, принявшую Джейн за няню, на посмешище. А Рената не выносила, когда ее выставляли на посмешище. В конце концов, у нее гениальные дети. Ей надо поддерживать репутацию. Посещать собрания членов правления.

Джейн посмотрела на Амабеллу:

– Детка, ты уверена, что тебя обидел именно этот мальчик?

– Пожалуйста, попроси прощения у Амабеллы. Ты сделал ей очень больно, – сказала Рената Зигги. Она разговаривала приветливо, но твердо. – А потом мы все пойдем домой.

– Но это был не я! – Зигги говорил очень четко, глядя Ренате прямо в глаза.

Мадлен сняла солнцезащитные очки и стала грызть дужки. Может быть, это не он? Может быть, Амабелла ошиблась? Но она одаренный ребенок! И совершенно очаровательная девчушка. Иногда она играла с Хлоей, и с ней всегда было легко. Она позволяла Хлое командовать собой, выполняя второстепенные роли в любых играх.

– Не ври! – набросилась Рената на Зигги. Похоже, она позабыла о своем высказывании: «Я не меняю позитивного отношения к другим детям, даже если они неважно себя ведут». – Все, что от тебя требуется, – попросить прощения.

Мадлен заметила, как инстинктивно отреагировало тело Джейн – наподобие неожиданного броска змеи или прыжка животного. Она выпрямила спину, вздернула подбородок:

– Зигги не лжет.

– Ну а я уверяю вас: Амабелла говорит правду.

Небольшая аудитория примолкла. Перестали шуметь даже дети, за исключением близнецов Селесты, которые гонялись друг за другом по игровой площадке, выкрикивая что-то про ниндзя.

– Ладно, похоже, мы зашли в тупик.

Очевидно, мисс Барнс не имела понятия, что делать. Ей было всего двадцать четыре года.

Рядом с Мадлен появилась Хлоя, которая тяжело дышала после лазания по лесенкам.

– Мне надо искупаться, – заявила она.

– Ш-ш-ш, – зашикала на нее Мадлен.

Хлоя вздохнула:

– Можно мне поплавать, мамочка?

– Тише!

У Мадлен разболелась лодыжка. Ее день рождения явно не удавался. Вот вам и праздник в честь Мадлен! Ей очень хотелось снова сесть на скамью. Вместо этого она, прихрамывая, бросилась в гущу событий.

– Рената, – начала она, – ты же знаешь, как это бывает у детей...

Рената качнула головой и сердито уставилась на Мадлен:

– Ребенок должен отвечать за свои действия. Должен понимать, что могут быть последствия. Нельзя, чтобы он разгуливал, пытаясь душить детей, и притворялся, будто этого не делал! Так или иначе, какое отношение это имеет к тебе, Мадлен? Не лезь не в свое дело.

Мадлен разозлилась. Она лишь пыталась помочь! И надо же было сказать такую пакость: «Не лезь не в свое дело»! С того прошлогоднего конфликта по поводу похода в театр для одаренных и талантливых детей они с Ренатой невзлюбили друг друга, хотя внешне оставались подругами.

На самом деле Рената нравилась Мадлен, но с самого начала в их отношениях присутствовал дух соперничества.

– Понимаешь, я свихнулась бы от скуки, если бы целый день сидела с ребенком, – такой я человек, – доверительно говорила Рената Мадлен, совсем не желая обидеть подругу, потому что Мадлен фактически не занималась ребенком целый день, а работала на полставки.

Однако всегда подразумевалось, что Рената умнее, что ей в большей степени необходима умственная деятельность, поскольку она занимается карьерой, а Мадлен – всего лишь работой.

К тому же Джексон, старший сын Ренаты, был знаменит в школе как шахматист, побеждающий в турнирах, а Фред, сын Мадлен, прославился тем, что стал единственным учеником в истории школы Пирриви, у которого хватило смелости взобраться на гигантскую смоковницу и оттуда совершить невероятный прыжок на крышу музыкального салона, чтобы достать тридцать четыре теннисных мяча. Для его спасения пришлось вызвать пожарную команду. Фред пользовался в школе недостижимой репутацией.

– Мамочка, это неважно. – Амабелла подняла на мать глаза, в которых по-прежнему стояли слезы.

Мадлен заметила на шее бедного ребенка красноватые следы от пальцев.

– Нет, важно, – сказала Рената. Она повернулась к Джейн. – Прошу вас, пусть ваш ребенок извинится.

– Рената, – начала Мадлен.

– Не вмешивайся, Мадлен.

– Да, нам, пожалуй, не стоит вмешиваться, Мадлен, – встряла оказавшаяся поблизости Харпер.

Похоже, она всегда соглашалась с Ренатой.

– Мне жаль, но я не могу заставить его извиниться за то, чего он не делал, – сказала Джейн.

– Ваш ребенок врет, – настаивала Рената, сверкая глазами за стеклами очков.

– Я так не думаю, – вздернув подбородок, возразила Джейн.

– Мамочка, я очень хочу домой. – Амабелла не на шутку расплакалась.

Странная новая няня Ренаты, молчавшая все это время, подняла девочку, и та обхватила ногами ее талию и уткнулась носом ей в шею. На лбу Ренаты пульсировала жилка. Она сжимала и разжимала руки.

– Это совершенно... недопустимо, – заявила она бедной смущенной мисс Барнс, которая задавалась вопросом: почему подобные ситуации не изучались в педагогическом колледже?

Рената наклонилась так, чтобы ее лицо было напротив лица Зигги:

– Если еще раз дотронешься до моей малышки, тебе не поздоровится.

– Э-э! – воскликнула Джейн.

Проигнорировав ее, Рената выпрямилась и обратилась к няне:

– Пойдем, Джульетта.

Они вышли через игровую площадку, а все родители сделали вид, что заняты своими детьми.

Зигги проводил их взглядом. Посмотрев на мать, он почесал нос и сказал:

– Я не хочу больше приходить в эту школу.

* * *

Саманта. Все родители должны пойти в полицейский участок и написать заявление. До меня очередь еще не дошла. Меня все это очень удручает. Возможно, меня сочтут виновной. Seriously, даже когда рядом со мной у светофора встает полицейская машина, я чувствую себя виноватой.

За пять месяцев до вечера викторин

Северные олени съели морковку!

Мадлен открыла глаза в свете раннего утра и увидела прямо перед собой наполовину съеденную морковку. Эд, тихо похрапывающий рядом с ней, потратил накануне немало времени и старания, разгрызая морковки, чтобы придать им такой вид, будто их на самом деле грызли северные олени. Хлоя в пижаме удобно устроилась верхом на животе Мадлен: копна волос, широкая улыбка, озорные сияющие глаза.

Мадлен потеряла глаза и посмотрела на часы. Шесть часов. Вероятно, лучшее, на что можно было рассчитывать.

– Ты думаешь, Санта-Клаус оставил Фреду картофелину? – с надеждой спросила Хлоя. – Потому что в этом году он плохо себя вел.

Мадлен говорила своим детям, что, если они плохо себя вели, Санта мог оставить им завернутую в бумагу картофелину и они будут потом гадать, какой чудесный подарок заменила картофелина. Самым заветным желанием Хлои на Рождество было, чтобы брат получил картофелину. Возможно, это порадовало бы ее даже больше, чем кукольный домик под елкой. Мадлен всерьез подумывала о том, чтобы завернуть картофелины для них обоих. Это было бы таким мощным стимулом для хорошего поведения в будущем году. «Помните о картофелине», – могла бы она повторять. Но Эд не позволил бы ей. Он чертовски добрый.

– Твой брат уже встал? – спросила она Хлою.

– Сейчас разбужу! – закричала Хлоя, и не успела Мадлен ее остановить, как она с топотом убежала по коридору.

Эд заворочался в постели:

– Ведь еще не утро, правда? Совсем не похоже на утро.

– Украсьте залы остролистом! – запела Мадлен. – Тра-ла-ла-ла!

– Заплачу тебе тысячу долларов, если прямо сейчас замолчишь, – сказал Эд и закрыл лицо подушкой.

Для доброго человека он проявлял поразительную нетерпимость к ее пению.

– У тебя нет тысячи долларов, – парировала Мадлен и принялась петь «Silent Night».

Зазвенел ее мобильник, и Мадлен, не переставая петь, взяла его с ночного столика.

Пришла эсэмэска от Абигейл. В этом году она встречала Рождество с отцом, Бонни и сводной сестрой. Скай, родившаяся через три месяца после Хлои, была белокурой маленькой девочкой, которая следовала за Абигейл, как преданный щенок. К тому же она была очень похожа на Абигейл в детстве, отчего Мадлен становилось не по себе, а иногда она роняла слезы, как будто у нее украли что-то ценное. Ясно было, что Абигейл отдает предпочтение Скай перед Хлоей и Фредом, которые отказывались боготворить ее. Мадлен часто ловила себя на такой мысли: «Но, Абигейл, Хлоя и Фред – твои родные сестра и брат, и ты должна любить их больше!», что не было формально верным. Мадлен никак не могла уразуметь, что все трое имеют по отношению к Абигейл одинаковый статус сводных сестер и брата.

Мадлен прочитала эсэмэску:

Веселого Рождества, мамочка! Мы все – папа, Бонни, Скай и я – с полшестого утра в приюте. Я успела почистить сорок картофелин! Какой прекрасный опыт – внести свой вклад в хорошие дела. Я на вершине блаженства. С любовью, Абигейл.

– Она ни разу в жизни не почистила ни одной дурацкой картофелины, – пробубнила Мадлен и написала ответную эсэмэску.

Это замечательно, милая. Тебе тоже веселого Рождества, скоро увидимся, целую.

Мадлен швырнула телефон на ночной столик, вдруг почувствовав себя обессиленной, и постаралась подавить вспышку гнева.

«На вершине блаженства... Прекрасный опыт».

И это пишет четырнадцатилетняя девочка, которую никак не допросишься накрыть на стол. Ее дочь начинает изъясняться совсем как Бонни.

На прошлой неделе Бонни сообщила Мадлен, что в рождественское утро они собираются всей семьей посетить в качестве волонтеров приют для бездомных. «Терпеть не могу всю эту тупую коммерциализацию Рождества, а ты?» – заявила Бонни, когда они случайно встретились в торговом центре. Мадлен занималась рождественским шопингом и была увешена десятками пластиковых пакетов. Фред и Хлоя сосали леденцы на палочке, их губы приобрели ярко-красный оттенок. Бонни же несла крошечное карликовое деревце в горшке, а Скай вышагивала рядом и ела грушу. Долбаную грушу, как потом сказала Мадлен Селесте. Почему-то она никак не могла отделаться от мысли о груше.

Как, черт возьми, удалось Бонни вытащить из постели в такую рань бывшего мужа Мадлен, чтобы отправиться в приют для бездомных? Когда они были женаты, Натан не вставал раньше восьми часов. Должно быть, Бонни постаралась с минетом.

– Абигейл набирается «прекрасного опыта» вместе с Бонни в приюте для бездомных, – сообщила Мадлен Эду.

Эд снял с лица подушку.

– Но это же противно, – заявил он.

– Знаю, – сказала Мадлен.

Вот за это она его и любила.

– Кофе, – сочувственно произнес он. – Принесу тебе кофе.

– ПОДАРКИ! – завопили Хлоя и Фред из коридора.

Хлоя и Фред от души предавались тупой коммерциализации Рождества.

* * *

Харпер. Представьте себе, как неуютно должна была чувствовать себя Мадлен, когда ребенок ее бывшего мужа оказался в подготовительном классе вместе с ее ребенком. Помню, как мы с Ренатой обсуждали это за поздним завтраком. Нас очень волновало, как это скажется на отношениях в классе. Разумеется, Бонни делала вид, что все мило и подружески. «Ах, мы все встретимся за рождественским обедом». Я вас умоляю! Я видела их на вечере викторин. Видела, как Бонни плеснула в лицо Мадлен напитком!

Селеста проснулась в рождественское утро, едва начало светать. Перри крепко спал, и из соседней комнаты мальчиков не доносилось ни звука. Они чуть с ума не сошли от возбуждения, когда узнали, что Санта-Клаус нашел их в Канаде. Санте были посланы письма, сообщающие ему об изменении адреса. Из-за сбоя биологических часов организма они с Перри с великим трудом уложили близнецов спать. Мальчиков поместили вдвоем на огромной кровати, и они долго возились на ней, переходя от смеха к слезам и обратно, пока Перри не крикнул из соседней комнаты: «Спать, ребята!» – и неожиданно наступила тишина. Когда несколько секунд спустя Селеста пришла посмотреть на них, оба они лежали навзничь, разбросав руки и ноги, как будто их мгновенно подкосила усталость.

– Иди посмотри на них, – сказала она Перри.

Он подошел и встал рядом с ней, и несколько минут они смотрели на спящих детей, а потом, улыбнувшись друг другу, вышли на цыпочках и отправились пить ликер в честь рождественского сочельника.

А сейчас Селеста выскользнула из-под пухового одеяла, подошла к окну, выходящему на замерзшее озеро, и приложила ладонь к стеклу. Оно было холодным на ощупь, но в комнате было тепло. На середине озера стояла громадная елка, сверкающая красными и зелеными огоньками. В воздухе медленно кружились снежинки. Было так красиво, что возникало желание попробовать все это. Потом, оглядываясь на эти праздники, она вспоминала их вкус и аромат: насыщенный, фруктовый, как у вина с пряностями, которое они пили.

Сегодня, после того как мальчики открыли свои подарки и в номер был подан завтрак – блинчики с кленовым сиропом! – они собирались пойти поиграть в снегу. Они слепят снеговика. Перри забронировал им прогулку на санях. Он разместит в «Фейсбуке» их фотографии, на которых они резвятся в снегу. И напишет что-то вроде: «Мальчики встречают свое первое белое Рождество!» Перри любил «Фейсбук». Все его подкалывали на этот счет. Крупный, удачливый банкир размещает в «Фейсбуке» фотографии, пишет бодрые комментарии к кулинарным рецептам приятельниц жены.

Селеста вновь посмотрела на кровать, где спал Перри. Во сне у него всегда были немного нахмурены брови, как будто его озадачивали собственные сны.

Едва проснувшись, он сразу захочет вручить Селесте подарок. Он любил дарить подарки. Впервые она поняла, что хочет за него замуж, заметив предвкушение на его лице, когда он смотрел, как его мать распечатывает подарок на день рождения от него. «Тебе нравится?» – выпалил он, как только она разорвала бумагу, и все домочадцы рассмеялись, потому что он был похож на большого ребенка.

Селесте не придется разыгрывать радость. Что бы он ни выбрал, это будет идеально. Она всегда гордилась своим умением выбирать содержательные подарки, но Перри в этом превзошел ее. Во время последней заграничной поездки он купил необычную пробку для шампанского из розового хрусталя. «Как только я взглянул на пробку, то сразу подумал о Мадлен», – сказал он тогда. Разумеется, Мадлен подарок очень понравился.

Сегодняшний день будет во всех отношениях идеальным. Фотографии в «Фейсбуке» не солгут. Так много радости. В ее жизни много радости. Этот факт не нуждается в подтверждении.

Нет нужды уходить от него, пока мальчики не окончат среднюю школу.

Это время будет как раз подходящим, чтобы уйти. В день, когда они сдадут последний экзамен. «Отложите в сторону ручки», – скажет экзаменатор. Именно тогда Селеста отложит в сторону свой брак.

Перри открыл глаза.

– Веселого Рождества! – улыбнулась Селеста.

* * *

Габриэль. Я опоздала к началу вечера викторин, потому что мой бывший, как обычно, опоздал, и мне пришлось парковаться за несколько миль под проливным дождем. Как бы то ни было, я случайно заметила Селесту и Перри, сидящих в машине, как раз неподалеку от входа в школу. Все это было немного странно, потому что оба они, одетые в карнавальные костюмы, смотрели прямо перед собой, не разговаривая, не глядя друг на друга. Разумеется, Селеста выглядела потрясающе. И вообще, я бывала свидетельницей тому, как она, не думая о завтрашнем дне, поглощает углеводы. Так что не говорите мне, что на свете существует справедливость.

Джейн проснулась от криков «Счастливого Рождества!», доносившихся с улицы под окнами ее квартиры. Сев в кровати, она подергала себя за футболку, которая оказалась мокрой от пота. Ей приснилось, что она лежит на спине, а Зигги в своей короткой пижаме стоит перед ней, улыбаясь и наступая ногой ей на горло.

– Отойди, Зигги, я задыхаюсь! – силилась сказать она, но он перестал улыбаться, продолжая с интересом рассматривать ее, словно проводил научный эксперимент.

Она приложила ладонь к шее и судорожно вздохнула.

Это всего лишь сон. Сны ничего не значат.

Зигги лежал в постели рядом с ней, прижимаясь к ней теплой спиной. Она повернулась к нему лицом и дотронулась кончиком пальца до нежной тонкой кожи над скулой.

Каждый вечер он ложился спать в свою кровать и каждое утро просыпался в ее. Ни один не помнил, как он туда попал. Они решили, что это какое-то волшебство. «Может быть, меня каждую ночь переносит добрая фея», – сказал как-то Зигги, округлив глаза и чуть улыбаясь, потому что лишь наполовину верил во всю эту чепуху.

– Однажды он перестанет это делать, – говорила мать Джейн, когда Джейн рассказывала ей, что Зигги по-прежнему каждую ночь перебирается к ней. – В пятнадцать он не будет этого делать.

На носу Зигги появилась новая веснушка, которую Джейн раньше не замечала. Теперь у него на носу было три веснушки, образующие очертания паруса.

Когда-нибудь рядом в постели с Зигги будет лежать женщина и рассматривать его спящее лицо. У него над верхней губой будут пробиваться черные усики. Вместо худых мальчишеских плечиков – широкие мужские плечи.

Каким он станет мужчиной?

Он станет добрым, замечательным мужчиной, совсем как ее папочка, категорично заявляла ее мать, словно для нее это был непреложный факт.

Мать Джейн верила, что Зигги – это реинкарнация ее любимого отца. Или, по крайней мере, она делала вид, что верит в это. Невозможно было понять, насколько серьезно она говорит об этом. Папочка умер за полгода до рождения Зигги, и как раз в это время мать Джейн читала книгу о маленьком мальчике, предположительно перевоплощенном летчике-истребителе Второй мировой войны. В голове у нее застряла мысль о том, что ее внук может быть, по сути дела, ее отцом. Это помогало ей пережить горе.

И по счастью, не было зятя, который глумился бы над ней с разговорами, что его сын – фактически дед его жены.

Джейн не поощряла разговоров о реинкарнации, но и не мешала им. Может быть, Зигги и в самом деле папочка. Иногда она различала в лице Зигги отголоски черт папочки, в особенности когда мальчик пытался сосредоточиться. Он так же морщил лоб.

Ее мать очень рассердилась, когда Джейн рассказала ей по телефону о происшествии на ознакомительном дне в школе.

– Это возмутительно! Зигги никогда не стал бы душить другого ребенка! Наш ребенок и мухи не обидит. Он такой же, как папочка. Помнишь, папочка не мог даже прихлопнуть муху? Твоя бабушка приплясывала с криками: «Убей ее, Стэн! Прихлопни эту чертову муху!»

Потом последовало молчание, а это означало, что на мать Джейн напал приступ

беззвучного смеха.

Джейн выждала, пока мать вновь заговорит слабым голосом:

– Ох, это пошло мне на пользу! Смех улучшает пищеварение. Так о чем это мы? Ах да! Зигги! Этот противный ребенок! Не Зигги, конечно, а та маленькая девочка. Зачем ей было обвинять нашего милого Зигги?

– Да, – сказала Джейн. – Но дело в том, что эта девочка совсем не противная. Вот ее мать какая-то ужасная, а дочка показалась мне симпатичной. – Джейн говорила не очень уверенно, и мать почувствовала это.

– Но, дорогая, ты же не думаешь, что Зигги действительно пытался задушить ребенка?

– Нет, конечно, – ответила Джейн и сменила тему разговора.

Джейн поправила подушку и устроилась поудобней. Может быть, ей удастся заснуть. «Зигги разбудит тебя ни свет ни заря», – говорила ей мать. Однако в этом году Зигги не выказывал особого энтузиазма по поводу Рождества, и Джейн подумала, что, наверное, в чем-то его подвела. У нее часто возникало тревожное чувство, что она придумывает для него какое-то воображаемое детство. Она изо всех сил старалась создавать маленькие ритуалы и семейные традиции в день рождения и по праздникам. «Давай вывесим твой чулок!» Но куда? Они слишком часто переезжали с квартиры на квартиру, чтобы найти постоянное место. Край его кровати? Дверная ручка? Она металась из стороны в сторону, говоря высоким срывающимся голосом. Во всем этом было какое-то жульничество. Эти ритуалы не были настоящими, как в других семьях, где имелись мать, отец и по меньшей мере еще один ребенок. Иногда ей казалось, что Зигги просто соглашается со всем ради нее, видит ее насквозь и понимает, что его обманывают.

Она смотрела, как поднимается и опускается его грудь.

Он такой красивый. Ну не мог он обидеть ту маленькую девочку и не мог соврать.

Но все спящие дети красивы. Даже ужасные дети во сне, наверное, выглядят симпатичными. Откуда ей наверняка знать, что он этого не сделал? Разве кто-нибудь знает по-настоящему своего ребенка? Ваш ребенок – маленький незнакомец, который постоянно меняется, прячется, а потом предстает перед вами в новом свете. У него могут внезапно проявиться новые черты характера.

И потом было...

Не думай об этом. Не думай об этом.

У нее в мозгу, как пойманный мотылек, трепетало одно воспоминание.

С того момента как маленькая девочка указала на Зигги, оно стремилось ускользнуть от нее. Кто-то сжимает ей горло. Ужас затопляет душу. Из глотки готов вырваться крик.

Нет, нет, нет!

Зигги – это Зигги. Он не мог. Не стал бы. Она знает своего ребенка.

Он зашевелился. Затрепетали голубоватые веки.

– Угадай, какой сегодня день, – сказала Джейн.

– Рождество! – прокричал Зигги.

Он выпрямился так стремительно, что сильно ударил Джейн головой по носу, и она упала на подушку, а из глаз полились слезы.

Теа. Я всегда считала, что с этим ребенком не все в порядке. С этим Зигги. Глаза у него какие-то странные. Мальчикам нужен мужчина как образец для подражания. Мне жаль, но это факт.

Стью. Черт, вокруг этого Зигги поднялась такая суматоха. Я не знал, чему верить.

Ты летаешь так же высоко, как этот самолет, папа? – спросил Джош.

Они уже примерно семь часов летели из Ванкувера домой в Сидней. Пока все было хорошо. Никаких споров. Мальчики заняли места у иллюминаторов, а Селеста и Перри сели у прохода.

– Нет. Помнишь, что я тебе говорил? Мне приходится лететь низко, чтобы не засекали радары, – ответил Перри.

– Ах да. – Джош опять повернулся к окну.

– Почему тебе надо избегать радаров? – поинтересовалась Селеста.

Покачивая головой, Перри обменялся снисходительной усмешкой, означающей «женщины!», с Максом, который сидел рядом с Селестой и прислушивался к разговору.

– Это очевидно, Макс, так ведь?

– Это совершенно секретно, мамочка, – терпеливо объяснил ей Макс. – Никто не знает, что папа умеет летать.

– Ну конечно, – сказала Селеста. – Извините. Глупо с моей стороны.

– Понимаете, если меня поймают, то, наверное, будут проводить разные проверки, – добавил Перри. – Захотят узнать, как у меня развились такие способности, потом постараются завербовать в военно-воздушные войска. И мне придется выполнять секретные миссии.

– Ага, и мы этого не хотим, – сказала Селеста. – Папа и так много путешествует.

Перри потянулся через проход и молчаливо накрыл ее руку своей.

– Ты ведь не умеешь по-настоящему летать, – заявил Макс.

Перри поднял брови, округлил глаза и слегка дернул плечами:

– Разве не умею?

– Наверное, нет, – неуверенно произнес Макс.

Перри подмигнул Селесте через голову Макса. Он уже давно рассказывал близнецам о своей скрытой способности к полету, вдаваясь в нелепые подробности о том, как в пятнадцать лет обнаружил ее у себя, и говоря им, что в этом возрасте они, возможно, тоже научатся летать, если унаследуют его способности и будут есть много брокколи. Мальчики никак не могли понять, шутит он или нет.

– Я тоже летал вчера, когда съезжал на лыжах и сделал большой прыжок. – Макс показал рукой траекторию полета. – Вжик!

– Да, летал, – согласился Перри. – У папы чуть не сделался сердечный приступ.

Макс прыснул.

Перри сжал руки перед собой и потянулся:

– Надо размяться, а то вы меня загоняли. Такие шустрые.

Селеста разглядывала его. Он хорошо выглядел: загорелый и отдохнувший после пяти дней катания на лыжах и санях. В этом-то и состояла проблема. Она по-прежнему безнадежно увлечена им.

– Что такое? – Перри бросил на нее взгляд.

– Ничего.

– Хороший отпуск, а?

– Прекрасный, – с чувством произнесла Селеста. – Волшебный.

– Думаю, для нас год будет удачным. – Перри посмотрел ей в глаза. – Согласна? Мальчики пойдут в школу, и у тебя, надеюсь, будет чуть больше времени на себя, а я... – Он замолчал, а затем продолжил: – Я постараюсь сделать все возможное, чтобы этот год стал для нас удачным. – И он застенчиво улыбнулся.

Иногда он это делал. Говорил или делал что-то, заставлявшее ее испытывать к нему такую же влюбленность, как в тот первый год, когда они познакомились на том скучном бизнес-ланче и она впервые по-настоящему поняла смысл слов «потерять голову от любви».

Селеста почувствовала, как на нее накатывает умиротворенность. По проходу шла стюардесса, предлагая печенье с шоколадной крошкой, испеченное на борту самолета. Аромат был восхитительным. Может быть, этот год окажется для них по-настоящему счастливым.

И может быть, она останется. Она всегда испытывала огромное облегчение, когда позволяла себе поверить, что может остаться.

– Давайте пойдем на пляж, когда вернемся домой, – предложил Перри. – И построим большой песчаный замок. Вчера снеговик, завтра песчаный замок. Черт возьми, ребята, хорошо вы устроились!

– Ага. – Джош зевнул и с наслаждением растянулся на кресле бизнес-класса. – Это здорово.

* * *

Мелисса. Помню, как увидела Селесту и Перри с близнецами на пляже во время школьных каникул. Я сказала мужу: «По-моему, это одна из новых детсадовских мам». У него чуть глаза не выскочили из орбит. Селеста и Перри гладили друг друга, смеялись и помогали детям строить этот по-настоящему затейливый песчаный замок. Честно говоря, это было как-то противно. Типа даже их песчаные замки лучше наших.

Сержант уголовной полиции Эдриан Куинлан. Мы рассматриваем все аспекты, все возможные мотивы.

Саманта. Так мы действительно прибегнем к слову... «убийство»?

За четыре месяца до вечера викторин

– Я хочу поиграть с Зигги, – заявила Хлоя теплым летним вечером в начале нового года.

– Хорошо, – согласилась Мадлен.

Она наблюдала за старшей дочерью. Абигейл уже очень долго разрезала свой бифштекс на одинаковые крошечные квадратики, а теперь толкала их взад-вперед, словно складывая какую-то сложную мозаику. В рот себе она не положила ни единого кусочка.

– Тебе надо поиграть со Скай. – Абигейл положила вилку и заговорила с Хлоей. – Она очень рада, что попала в один класс с тобой.

– Это так мило, правда? – произнесла Мадлен напряженным приторным голосом, которым всегда говорила при упоминании в разговоре дочери ее бывшего мужа. – Ну разве не мило?

Эд расплескал вино, и Мадлен наградила его сердитым взглядом.

– Скай мне почти как сестра, правда, мамочка? – спросила Хлоя.

В отличие от своей мамы, она с восторгом узнала о том, что будет в одном подготовительном классе вместе со Скай. Этот вопрос она задавала не меньше сорока тысяч раз.

– Нет, Скай – сводная сестра Абигейл, – с ангельским терпением произнесла Мадлен.

– Но я тоже сестра Абигейл! – воскликнула Хлоя. – Это значит, что мы со Скай должны быть сестрами! Мы можем быть близнецами, как Джош с Максом!

– Кстати, а ты видела Селесту после их приезда из Канады? – спросил Эд. – Перри разместил в «Фейсбуке» потрясающие снимки. Нам тоже надо будет как-нибудь отпраздновать белое Рождество. Когда выиграем в лотерее.

– Бррр, – поежилась Мадлен. – У них там замерзший вид.

– Я стал бы потрясающим сноубордистом, – мечтательно произнес Фред.

Мадлен бросило в дрожь. Маленький Фред всерьез подсел на адреналин. Если можно было куда-то взобраться, он забирался. Она уже была не в силах смотреть на его катание на скейтборде. В свои семь лет он переворачивал, вращал и бросал худошавое тело по воздуху, как это делали пацаны вдвое старше его. Когда Мадлен видела по телику этих крутых невозмутимых парней, отвечающих на вопросы журналиста по поводу своих недавних рискованных приключений типа прыжков с парашютом с высотных зданий, скалолазания и тому подобного, она думала: это про Фреда. Он даже внешне чем-то напоминал их с этими неряшливыми, слишком длинными волосами сёрфера.

– Тебе надо постричься, – сказала она.

Фред с отвращением наморщил веснушчатый нос:

– Не буду!

– Я позвоню маме Зигги, – сказала Мадлен Хлое. – И договорюсь о встрече на детской площадке.

– Мадлен, ты уверена, что это хорошая идея? – тихо спросил Эд. – Он кажется немного

грубоватым. Разве не он... Ну, ты знаешь...

– Мы не знаем наверняка, – ответила Мадлен.

– Но ты говорила, что Амабелла Клейн показала на него.

– И раньше случалось, что на предъявлении для опознания в полиции указывали на невинных людей, – заметила Мадлен.

– Если этот пацан хотя бы пальцем тронет Хлою...

– О-о, умоляю тебя, Эд, – сказала Мадлен. – Хлоя может за себя постоять. – Она посмотрела на тарелку Абигейл. – Почему ты не ешь?

– Мы любим Ренату и Джефа, – заявил Эд. – Так что, если их дочь говорит, что этот парнишка Зигги обидел ее, мы должны их поддержать. Что это за имя такое – Зигги?

– Мы не так уж сильно любим Ренату и Джефа, – возразила Мадлен. – Абигейл, ешь!

– Разве? – удивился Эд. – Я думал, Джеф мне нравится.

– Ты его только терпишь, – сказала Мадлен. – Ему больше нравится пялиться на девиц, Эд, чем играть в гольф.

– Неужели? – У Эда был разочарованный вид. – Ты уверена?

– Ты сейчас думаешь о Гарете Хайеке.

– Правда? – Эд нахмурился.

– Да, – сказала Мадлен. – Хлоя, прекрати размахивать вилкой. Ты чуть не угодила Фреду в глаз. Тебе нездоровится, Абигейл? И поэтому ты не ешь?

Абигейл положила нож с вилкой.

– Пожалуй, я стану веганом, – важно произнесла она.

Бонни была веганом.

– Только через мой труп, – заявила Мадлен.

Или, во всяком случае, через чей-то еще труп.

* * *

Теа. А ты знаешь, что у Мадлен от первого брака есть четырнадцатилетняя дочь Абигейл? Мне так жаль детей из распавшихся семей! Я очень рада, что могу предложить своим детям стабильное окружение. Уверена, на вечере викторин Мадлен и Бонни ругались из-за Абигейл.

Харпер. Я фактически слышала, как Мадлен говорила: «Сегодня вечером я непременно кого-нибудь убью». Я предположила, что это имеет отношение к Бонни. Но, разумеется, я ни на кого не указываю пальцем.

Бонни. Да, Абигейл – моя падчерица, и, совершенно верно, у нее есть ряд типично подростковых проблем, но мы с Мадлен совместно стараемся помочь ей. Чувствуете запах лимонного мирта? Я впервые пользуюсь этим новым ароматом. Он помогает при стрессах. Сделайте глубокий вдох. Вот так. Не обижайтесь, если я скажу, что вам надо постараться снять напряжение.

Это был один из тех дней. Недавно, незадолго до Рождества. У Селесты пересохло во рту. В голове пульсировала кровь. Она шла через школьный двор вслед за мальчиками и Перри, прямо и осторожно неся тело, словно это был высокий хрупкий бокал, который она боялась расплескать.

Все ее ощущения обострились до предела: теплый воздух, овевающий голые руки, ремешки сандалий между пальцами ног, края листьев большой смоковницы и то, как каждый лист четко вырисовывался на фоне голубого неба. Это напоминало напряженное восприятие, когда снова влюбляешься, снова беременеешь или впервые самостоятельно ведешь автомобиль. Все кажется значительным.

– Вы с Эдом ссоритесь? – спросила она однажды у Мадлен.

– Как кошка с собакой, – весело ответила Мадлен.

Селеста почему-то подумала, что подруга говорит о чем-то совершенно другом.

– Можно, мы сначала покажем папе лесенки для лазания? – прокричал Макс.

Занятия в школе начались две недели назад, но этим утром магазин, где продавалась школьная форма, работал в течение двух часов, чтобы родители смогли купить все необходимое. У Перри был выходной, и, купив мальчикам форму, родители собирались устроить им плавание с маской и трубкой.

– Конечно, – сказала Селеста Макс.

Он убежал, и, глядя ему вслед, она поняла, что это не Макс. Это был Джош. Ситуация выходила у нее из-под контроля. Она думала, что слишком сильно концентрируется, а на самом деле концентрировалась недостаточно.

Перри провел по ее руке кончиком пальца, и она вздрогнула.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Он поднял на лоб темные очки, чтобы она могла видеть его глаза. Белки глаз у него были очень белые. Наутро после ссоры она обычно ходила с покрасневшими глазами, а у Перри глаза оставались ясными и сияющими.

– Все хорошо, – с улыбкой ответила она.

Улыбнувшись в ответ, он привлек ее к себе.

– В этом платье ты такая красивая, – шепнул он ей на ухо.

Именно так они держались друг с другом на следующий день – нежно и трепетно, словно испытали вместе нечто ужасное вроде стихийного бедствия, словно едва успели спастись.

– Папа! – пронзительно закричал Джош. – Иди посмотри на нас!

– Иду! – прокричал в ответ Перри.

Он побежал за ними, колотя себя кулаками в грудь, как горилла, согнувшись, размахивая руками и издавая обезьяньи звуки. Вне себя от притворного ужаса, мальчики убежали прочь.

Это была просто неприятная ссора, сказала она себе. Все пары ссорятся.

Вчера вечером мальчики остались на ночь у матери Перри.

– Устройте себе романтический ужин без этих маленьких бандитов, – сказала тогда свекровь.

Все началось с компьютера.

Селеста искала расписание работы магазина школьных принадлежностей, и в какой-то

момент компьютер выдал что-то о «катастрофической ошибке».

– Перри, – позвала она его из кабинета, – с компьютером какие-то нелады!

Что-то в ней противилось этому. *Нет, не говори ему. Что, если он не сумеет устранить ошибку?*

Глупо, глупо, глупо. Надо было соображать. Но было уже поздно. Он с улыбкой вошел в кабинет:

– Посторонись, женщина.

Перри хорошо разбирался в компьютерах. Ему нравилось помогать ей, и, если бы он смог устранить ошибку, все было бы прекрасно.

Но он не сумел этого сделать.

Проходили минуты. По тому, как были напряжены его плечи, она догадывалась, что дело не клеится.

– Не волнуйся, – сказала она. – Оставь это.

– Я справлюсь! – рявкнул он, перемещая мышь. – Я знаю, в чем проблема. Надо просто... Черт побери! – Он снова выругался. Сначала тихо, потом громче.

Она вздрагивала от резкого звука его голоса.

И по мере того как нарастал его гнев, в ней поднимался ответный гнев, потому что она воочию видела, во что превратится этот вечер и каким он был бы, не соверши она эту «катастрофическую ошибку».

Блюдо с морепродуктами, которые она приготовила, так и останется несъеденным. Торт со взбитыми сливками и фруктами окажется в мусорном ведре. Зря потраченное время, усилия и деньги. Она терпеть не могла ненужные траты. Это вызывало у нее досаду.

Поэтому в ее голосе прозвучала досада, когда она произнесла:

– Прошу тебя, Перри, оставь это.

В этом была ее ошибка. Может быть, если бы она сказала более дружелюбно... Проявила бы больше терпения... Ничего не сказала бы...

Он повернулся на кресле лицом к ней. Глаза его сверкали гневом. Слишком поздно. Его занесло. Все было кончено.

Но она не отступила. Не хотела отступить. Продолжала сражаться до конца из-за несправедливости и нелепости происходящего. *Она всего-то и попросила его помочь ей наладить компьютер.* Такого быть не должно, в раздражении думала она, когда уже поднялись крики, и у нее гулко застучало сердце и напряглись мышцы. Это несправедливо, это неправильно.

Все вышло даже хуже, чем обычно, потому что сыновей не было дома. Им не приходилось понижать голос, шикать друг на друга за закрытыми дверями. Дом был большой, и соседи не слышали их криков. Можно было подумать, что они наслаждаются возможностью ругаться вволю.

Селеста направилась к лесенкам для лазания, которые находились в прохладном и тенистом углу игровой площадки. Когда мальчики пойдут в школу, им понравится играть здесь.

Перри подтягивался на перекладине, а мальчики считали. Он красиво двигал плечами. Ему приходилось поднимать ноги, потому что детский турник был низким. Он всегда был спортивным.

Была ли в Селесте какая-то нездоровая, ущербная часть, которой, по сути дела, нравилось так жить и которая нуждалась в этом позорном, ужасном замужестве? Вот что

она думала об этом. Как будто их с Перри связывали странные и омерзительные привычки извращенного секса.

Секс действительно был частью их конфликтов.

После ругани всегда бывал секс. Когда все заканчивалось. Около пяти утра. Яростный, злой секс со слезами, омывающими лица обоих, и трогательными извинениями, и словами, вновь и вновь неразборчиво повторяемыми: *Никогда больше, клянусь жизнью, больше никогда, это надо прекратить, мы должны это прекратить, никогда больше.*

– Пошли, – сказала она мальчикам. – Надо успеть в школьный магазин, пока он не закрылся.

Перри легко спрыгнул на землю и подхватил близнецов под мышки:

– Понял!

Неужели она любит его так же сильно, как ненавидит? И ненавидит так же сильно, как любит?

– Надо обратиться к другому консультанту, – заявила она ему рано утром.

– Ты права, – ответил он, как будто для этого была реальная возможность. – Когда вернусь, мы об этом поговорим.

На следующий день он улетал. В Вену на встречу на высшем уровне, которую спонсировала его фирма. Ему предстояло прочитать основной доклад по какой-то ужасно сложной и глобальной теме. В докладе будет много аббревиатур и малопонятного жаргона, и он будет стоять на кафедре с маленькой лазерной указкой, читая доклад, подготовленный ассистентом.

Перри часто бывал в отъезде. Иногда он казался ей каким-то отклонением в ее жизни. Посетителем. Пока его не было, у нее шла настоящая жизнь. Происходившие с ними вещи не имели большого значения, потому что ему всегда предстояло уехать – на следующий день или на следующей неделе.

Два года назад они посетили консультанта по брачно-семейным отношениям. Селеста возлагала на визит большие надежды, но, едва увидев дешевую виниловую кушетку и энергичное искреннее лицо консультанта, она поняла, что они совершают ошибку. Она наблюдала за Перри, который оценивал свое превосходство в интеллекте и общественном положении явно не в пользу консультанта, и поняла, что этот визит будет их первым и последним.

Они так и не рассказали консультанту правду. Говорили о том, как раздражает Перри неспособность Селесты встать вовремя и ее постоянные опоздания. Селеста рассказала, что Перри иногда выходит из себя.

Как могли они признаться незнакомой женщине в том, что творилось в их семейной жизни? Позор всего этого. Безобразие их поведения. Они были такой красивой парой. Люди постоянно им об этом говорили. Ими восхищались, им завидовали. У них были все мыслимые привилегии на свете. Заграничные поездки. Прекрасный дом.

Их поведение было омерзительным и недопустимым.

– Прекратите это! – наверняка сказала бы с негодованием и отвращением эта приятная энергичная женщина.

Селеста хотела, чтобы консультант догадалась. *Она хотела, чтобы та задала правильный вопрос.* Но этого не произошло.

Выйдя из офиса консультанта, они оба настолько обрадовались окончанию этого спектакля, что в середине дня зашли в гостиничный бар, выпили и начали активно

флиртовать друг с другом. Не допив свой стакан, Перри вдруг поднялся, взял ее за руку и повел к стойке администратора. Они сняли номер. Ха-ха! Как смешно, как сексуально. Можно было подумать, что консультант решила их проблемы. Потому что, в конце концов, сколько женатых пар могли сделать такое? После она почувствовала себя жалкой и расстроенной. На нее накатило отчаяние.

– Так где же школьный магазин? – спросил Перри, когда они вновь оказались в четырехугольном школьном дворе.

– Не знаю, – ответила Селеста. *Откуда мне знать? Зачем мне знать?*

– Вы сказали – школьный магазин? Он вон там.

Селеста обернулась. Это была та настойчивая миниатюрная женщина в очках, которую они видели на ознакомительном дне в школе. Та самая, дочь которой сказала, что Зигги пытался ее задушить. С ней была маленькая девочка с кудряшками.

– Я Рената, – представилась женщина. – Мы встречались в прошлом году на ознакомительном дне. Вы подруга Мадлен Маккензи, верно? Амабелла, перестань. Что ты делаешь? – (Девочка держалась за белую юбку матери, робко прячась за нее.) – Иди поздоровайся. Вот эти мальчики будут учиться в одном классе с тобой. Они однойцевые близнецы. Ну разве не интересно? – Она посмотрела на Перри, перед которым стояли сыновья. – Как все-таки вы их различаете?

Перри протянул ей руку:

– Перри. Мы их тоже не различаем. Понятия не имею, кто из них кто.

Рената с жаром пожала руку Перри. Женщины всегда проявляли к Перри интерес. Белозубая улыбка, как у Тома Круза, и внимание, с каким он относился к женщинам.

– Рената. Очень приятно познакомиться. Вы здесь, чтобы купить мальчикам форму? Отлично! С Амабеллой должна была пойти няня, но у меня рано закончилось собрание членов правления, и я решила пойти сама. – Перри энергично закивал, словно пораженный услышанным. Рената понизила голос: – С того инцидента в школе Амабелла проявляет беспокойство. Жена вам рассказывала? В ознакомительный день ее пытался задушить маленький мальчик. У нее на шее остались синяки. Мальчик по имени Зигги. Мы всерьез собирались заявить в полицию.

– Ужасно! Господи, ваша бедная малышка! – воскликнул Перри.

– Па-а-па, – заныл Макс, потянув отца за руку. – Пойдем!

– Мне жаль, право. – Рената выразительно посмотрела на Селесту. – Наверное, я дала маху! Разве вы с Мадлен и мамой того мальчика не праздновали день рождения? Ее зовут, кажется, Джейн? Очень молодая девушка. Я приняла ее за au pair. Насколько я знаю, вы все хорошие друзья. Я слышала, вы пили шампанское! Утром!

– Зигги? – нахмурился Перри. – Мы не знаем никого с ребенком по имени Зигги, да?

Селеста откашлялась:

– В тот день я впервые увидела Джейн. Она подвезла Мадлен, когда та подвернула ногу. Она была... Ну, она показалась мне очень симпатичной.

Селесте не особенно хотелось связываться с матерью забияки, но, с другой стороны, Джейн ей понравилась, и у бедной девушки был совсем жалкий вид, когда дочь Ренаты указала на Зигги.

– Она сбита с толку, вот что, – заявила Рената. – И никак не желала признать, что ее драгоценный ребенок сделал то, что сделал. Я велела Амабелле держаться подальше от этого Зигги. На вашем месте я сказала бы вашим мальчикам сделать то же самое.

– Возможно, это неплохая мысль. Нам бы не хотелось, чтобы они с первого дня попали в дурную компанию. – Перри говорил с непринужденным юмором, как будто ничего не принимая всерьез, хотя, зная его, можно было предположить, что эта непринужденность притворная.

Детский опыт Перри заставлял его в особенности опасаться запугивания. Когда дело касалось его сыновей, он становился почти секретным агентом, подозрительно стреляя по сторонам глазами, осматривая игровую площадку или парк – нет ли поблизости хулиганов, бродячих собак или педофилов, маскирующихся под дедушек.

Селеста открыла рот.

– Гм, – только и сказала она. *Им по пять лет. А ты не перегнул палку?*

Но все же было в Зигги что-то странное. Она лишь мельком видела его тогда в школе, однако что-то вывело ее из равновесия, наполнило недоверием. А ведь он красивый пятилетний мальчик, такой как ее сыновья. Каким образом у нее могли возникнуть подобные мысли в отношении пятилетнего ребенка?

– Мам! Пошли! – Джош дернул Селесту за руку.

Она ухватила за болезненное правое плечо:

– Ой! – На миг она ощутила такую резкую боль, что ее замутило.

– С вами все в порядке? – поинтересовалась Рената.

– Селеста? – спросил Перри.

Она заметила в его взгляде постыдное узнавание. Он точно знал, почему ей стало так больно. Когда он вернется из Вены, в его портфеле будут лежать изысканные драгоценности. Очередной экземпляр в ее коллекцию. Она никогда их не наденет, и он не станет спрашивать почему.

На миг Селеста лишилась дара речи. Во рту громоздились неудобные слова. Она представила себе, как выплеснет их наружу.

Мой муж бьет меня, Рената. Конечно, только не по лицу. Он для этого слишком утонченный.

А ваш муж бьет вас?

И если все-таки бьет, вот какой вопрос меня интересует: вы отвечаете ему?

– Все хорошо, – сказала она.

Япригласила Джейн с Зигги на детскую площадку на следующей неделе, – сообщила Мадлен по телефону Селесте, как только закончила разговор с Джейн. – Думаю, тебе с мальчиками тоже стоит прийти. На тот случай, если мы исчерпаем темы для разговора.

– Хорошо, – согласилась Селеста. – Большое спасибо. Встреча в песочнице с мальчуганом, который...

– Да-да, – поддакнула Мадлен. – Маленький душитель. Но, знаешь, наши детки тоже не ангелочки.

– Вчера, когда мы покупали ребятишкам форму, я встретила мать жертвы. Ренату. Она велела дочери избегать Зигги и посоветовала мне сказать то же самое моим мальчикам.

Мадлен сжала телефон:

– Она не имеет права говорить тебе такое!

– Наверное, она просто беспокоилась...

– Нельзя вносить ребенка в черный список еще до начала занятий!

– Ну, не знаю, попробуй встать на ее место. Если бы такое случилось с Хлоей, то, наверное... – Голос Селесты замер, и Мадлен прижала телефон к уху. Селеста часто так делала: разговаривает нормально и вдруг куда-то уносится.

На этой почве они впервые и познакомились, потому что Селеста тогда тоже пребывала в своих грезах. Их дети, недавно начав ходить, посещали вместе группу по плаванию. Хлоя с близнецами стояла на небольшом помосте у края бассейна, а тренер по очереди учил каждого ребенка плавать по-собачьи и держаться на поверхности воды. Мадлен еще раньше заметила эффектную маму, наблюдающую за занятиями, но ни разу не разговаривала с ней. Обычно Мадлен не спускала глаз с четырехлетнего Фреда, доставлявшего ей много хлопот. В тот день Фред, к счастью, был занят мороженым, и Мадлен смотрела на Хлою, которая держалась на поверхности, как морская звезда. Но тут она заметила, что на помосте стоит только один из близнецов.

– Эй! – крикнула Мадлен тренеру. – Эй! – Она стала высматривать красивую маму. Та стояла в стороне, уставившись в пространство. – Ваш малыш! – завопила Мадлен.

Люди как бы в замедленном движении повернули головы. Дежурного по бассейну нигде не было видно.

– Вот блин! – С этими словами Мадлен в платье и туфлях прыгнула в бассейн и вытащила со дна задыхающегося и отплевывающегося Макса.

Мадлен разразилась воплями, а Селеста прижала к себе своих мокрых мальчуганов и, рыдая, бормотала неловкие слова благодарности. Администрация школы плавания принесла подобострастные извинения, постаравшись избежать ответственности. Ребенок уже вне опасности, и они сожалеют о случившемся и обязательно пересмотрят методику.

Обе женщины забрали детей из этой школы плавания, а Селеста, юрист по образованию, написала письмо в администрацию, требуя компенсации за испорченные туфли, почти новое платье и, разумеется, возмещения оплаты за обучение.

Вот так они подружились, и, когда Селеста познакомила ее с Перри, Мадлен поняла, что та сказала мужу лишь о том, что они познакомились на занятиях по плаванию. Не всегда обязательно рассказывать мужу все подробности.

А теперь вот Мадлен сменила тему разговора:

– Перри опять куда-то улетел?

Голос Селесты неожиданно вновь обрел четкость.

– В Вену. Да. На три недели.

– Уже скучаешь? – поинтересовалась Мадлен.

Шутка.

Последовала пауза.

– Ты слушаешь? – спросила Мадлен.

– Мне нравятся тосты на ужин, – произнесла Селеста.

– О да, когда Эд уезжает, я ем на ужин йогурт и шоколадное печенье, – сказала Мадлен. –

Боже правый, почему у меня такой усталый вид?

Она говорила по телефону, сидя на кровати в гостевой комнате, где всегда складывала чистое белье. В тот момент она случайно увидела свое отражение в зеркальном платяном шкафу. Встав с кровати и прижимая телефон к уху, она подошла к зеркалу.

– Может, потому, что ты устала, – предположила Селеста.

Мадлен дотронулась кончиком пальца до места под глазом.

– Я прекрасно выспалась! – воскликнула она. – Каждый день я думаю: черт, сегодня у тебя немного утомленный вид, и только недавно до меня дошло, что это не от усталости, а просто теперь я так выгляжу.

– Огурцы? Разве ты не пользуешься ими для уменьшения отеков? – вяло произнесла Селеста.

Мадлен знала, что Селесту совершенно не интересует целый пласт жизни, доставляющий Мадлен большое удовольствие: одежда, косметика, украшения, аксессуары. Иногда Мадлен смотрела на Селесту с длинными золотисто-рыжими волосами, кое-как зачесанными назад, и у нее возникало желание схватить Селесту и поиграть с ней, словно та была одной из кукол Барби дочери Хлои.

– Я оплакиваю утрату юности, – сообщила она Селесте, и та фыркнула. – Начать с того, что я никогда не была такой уж красивой...

– Ты и сейчас красива, – откликнулась Селеста.

Мадлен скорчила себе рожицу перед зеркалом, а потом отвернулась. Ей не хотелось признаваться даже себе самой, насколько сильно ее огорчает старение лица. Она предпочла бы не замечать столь поверхностных проблем. Пусть бы ее огорчало положение в мире, а не морщинки на коже. Всякий раз, заметив признаки естественного старения тела, она испытывала какой-то беспричинный стыд, словно плохо старалась. А между тем Эд с каждым годом становился все более сексуальным, несмотря на то что морщинок вокруг глаз у него становилось больше, а волосы постепенно седели.

Она опять уселась на кровать и принялась раскладывать одежду.

– Сегодня за Абигейл приехала Бонни, – сообщила Мадлен Селесте. – Она подошла к двери, и вид у нее был – ну, я не знаю, – как у какой-нибудь шведской сборщицы ягод, с этим шарфом в красную и белую клетку на голове. Абигейл выбежала из дому. Представляешь, выбежала. Как будто ей не терпелось поскорей расстаться с этой старой каргой-мамой.

– А-а, – протянула Селеста. – Теперь понимаю.

– Иногда я чувствую, что теряю Абигейл. Чувствую, что она отдаляется от меня, и мне хочется схватить ее и сказать: «Абигейл, тебя он тоже бросил. Он ушел от нас обеих». Но приходится быть взрослой. Ужасно, что она, по сути дела, счастлива в этой глупой семье, где они медитируют и едят нут.

– Конечно нет, – возразила Селеста.

– Я и так знаю. Ненавижу нут.

– Правда? А я люблю. Тебе он тоже полезен.

– Заткнись. Так ты приведешь своих мальчишек поиграть с Зигги? Похоже, бедной маленькой Джейн в этом году понадобятся друзья. Давай станем ее друзьями и позаботимся о ней.

– Конечно, мы придем, – согласилась Селеста. – Я принесу нут.

* * *

Миссис Липман. Нет. В школе прежде не бывало вечера викторин, который окончился бы кровопролитием. Считаю этот вопрос оскорбительным и провокационным.

Хочу жить в двухэтажном доме, как этот, – сказал Зигги, когда они подходили к дому Мадлен по подъездной дорожке.

– Правда? – спросила Джейн.

Она поправила сумку на сгибе локтя. В другой руке она несла пластиковый контейнер со свежее испеченными банановыми кексами.

Ты хочешь вести такую жизнь? Меня тоже устроила бы такая жизнь.

– Подержи это секунду, пожалуйста.

Она протянула Зигги контейнер, а сама достала из сумки две пластины жвачки, рассматривая дом. Это был обычный двухэтажный семейный дом из светло-желтого кирпича. Немного обветшалый. Трава требовала стрижки. Под навесом для автомобиля висели два сдвоенных каяка. У стены стояли бугиборды и доски для сёрфинга. На балконе висели купальные полотенца. На лужайке перед домом валялся детский велосипед.

В этом доме не было ничего особенного. Он был похож на дом родителей Джейн, который, правда, отличался меньшими размерами и большей опрятностью. Поскольку ее дом находился в часе езды от побережья, в нем не было признаков пляжной активности, но царил тот же дух простого, легкомысленного загородного жилья.

Таково детство.

Все это так просто. Зигги не просит многого. Он заслуживает такой жизни.

Если бы в тот вечер Джейн не пошла в клуб, если бы не выпила третью порцию «текилы-бум», если бы сказала «нет, спасибо», когда он сел рядом с ней, если бы осталась дома и получила степень бакалавра искусств, нашла работу, мужа, взяла ипотеку и сделала бы все это должным образом, тогда, вероятно, когда-нибудь она зажила бы в семейном доме и стала бы порядочным человеком, ведущим порядочную жизнь.

Но тогда у нее не было бы Зигги.

И возможно, у нее никогда не было бы детей. Она вспомнила сдвинутые брови врача, который говорил ей за год до того, как она забеременела:

– Джейн, поймите, забеременеть вам будет очень трудно, если вообще возможно.

– Зигги! Зигги, Зигги, Зигги! – Распахнулась входная дверь, оттуда выбежала Хлоя в платье феи и потащила Зигги за руку. – Ты будешь играть со мной, ладно? А не с братом Фредом.

Вслед за ней появилась Мадлен в платье в белый и красный горошек с пышной юбкой в стиле 1950-х. Волосы у нее были завязаны в конский хвост.

– Джейн! С Новым годом! Как ты? Так приятно тебя видеть. Посмотри, у меня зажила лодыжка! И ты будешь довольна, что на мне туфли без каблучков.

Встав на одну ногу, она покрутила лодыжкой, демонстрируя блестящую красную балетку.

– Они у тебя как рубиновые туфельки Дороти, – сказала Джейн, вручая Мадлен кексы.

– Тебе на самом деле нравятся? – спросила Мадлен. Она сняла крышку с контейнера. – Боже правый! Только не говори, что ты это сама испекла!

– Сама, – ответила Джейн.

Откуда-то со второго этажа доносился смех Зигги. От этих звуков у нее радостно забилося сердце.

– Посмотри-ка, ты с домашними кексами, а я в платье домохозяйки тысяча девятьсот пятидесятых, – произнесла Мадлен. – Мне нравится идея домашней выпечки, но до дела у меня обычно не доходит: никогда не бывает всех ингредиентов. Как тебе удастся запастись и мукой, и сахаром, и, ну не знаю, ванилином?

– Просто я покупаю их, – сказала Джейн. – В месте, которое называется супермаркет.

– Ты, наверное, составляешь список, а потом не забываешь взять список с собой.

Джейн рассудила, что чувства Мадлен в отношении выпечки Джейн идентичны чувствам Джейн в отношении модных аксессуаров Мадлен: смущенное восхищение диковинным поведением.

– Сегодня ко мне приедет Селеста с мальчиками. Она мигом проглотит твои кексы. Чай или кофе? Пожалуй, не стоит при каждой встрече пить шампанское, хотя меня можно и уговорить. Мы что-нибудь празднуем?

Мадлен привела ее в большую кухню, объединенную с гостиной.

– Ничего не празднуем, – ответила Джейн. – Просто чай. Это будет здорово.

– Как прошел переезд? – спросила Мадлен, включая чайник. – Когда вы переезжали, мы были в отпуске, а иначе я предложила бы тебе Эда в помощники. Я всегда предлагаю его в качестве грузчика. Он это обожает.

– Seriously?

– Нет-нет. На самом деле ненавидит. И ругается со мной. Он говорит: «Я не какой-то аппарат, который можно кому-нибудь одолжить!» – Она заговорила нарочито низким голосом. – Но знаешь, он платит за то, чтобы поднимать тяжести в спортзале, так почему бы не поднять несколько коробок бесплатно? Садись. Извини за беспорядок.

Джейн уселась за длинный деревянный стол, усеянный осколками семейной жизни: наклейки, раскрытая книга, солнцезащитный крем, какая-то электронная игрушка, аэроплан, собранный из лего.

– С переездом мне помогли родственники, – сказала Джейн. – Там много лестниц. Они на меня немного злились, но никогда не позволили бы мне платить за грузчиков.

«Уж лучше бы мне не таскать каждые полгода этот долбаный холодильник вверх-вниз по лестницам», – заявил ее брат.

– Молоко? Сахар? – спросила Мадлен, опуская в чашки пакетики с чаем.

– Ничего, просто черный. Гм, утром я видела одну из тех мам. – Джейн хотела поговорить об ознакомительном дне, пока в комнате не было Зигги. – На автозаправке. Думаю, она сделала вид, что не замечает меня.

Джейн не просто думала, а знала это. Та женщина так быстро отвернула голову, как будто ее ударили по щеке.

– Правда? – Мадлен это показалось забавным. Она взяла кекс. – Кто это? Ты помнишь, как ее зовут?

– Харпер, – ответила Джейн. – Я почти уверена, что это была Харпер. Помню, что про себя назвала ее Прилипчивая Харпер, потому что она все время толкалась около Ренаты. Наверное, она одна из ваших Модных Стрижек, с ее-то длинным отвислым лицом, как у бассет-хаунда.

Мадлен фыркнула:

– Это точно Харпер. Да, она близкая подруга Ренаты и, как ни странно, очень гордится этим, словно Рената какая-то знаменитость. Ей всегда не терпится дать вам понять, что они с Ренатой ведут светскую жизнь. «О, мы провели изумительный вечер в изумительном

ресторане!» – Мадлен откусила кусочек кекса.

– Полагаю, поэтому Харпер и не хочет знаясь со мной, – сказала Джейн. – Из-за того, что случилось...

– Джейн, – перебила ее Мадлен, – кекс просто потрясающий.

Джейн улыбнулась при виде изумленного лица Мадлен, к носу которой прилипла крошка.

– Спасибо, могу дать рецепт, если...

– О господи, не хочу рецепт, хочу просто кекс. – Мадлен сделала большой глоток чая. – Знаешь что? Где мой телефон? Прямо сейчас позвоню Харпер и спрошу, почему она притворилась, что не видит мою новую подругу, мастерицу по кексам.

– Не смей этого делать! – воскликнула Джейн.

Как она догадывалась, Мадлен – одна из тех немного опасных людей, которые сразу бросаются на защиту друзей, создавая ненужный переполох.

– Ну, я бы не потерпела подобного отношения, – заявила Мадлен. – Если эти женщины будут докучать тебе из-за случившегося в ознакомительный день, я этого не потерплю. Такое могло произойти с любым.

– Я бы заставила Зигги извиниться. – Джейн надо было доказать Мадлен, что она не из тех матерей, которые во всем потакают своим детям. – Но когда он сказал, что не делал этого, я поверила ему.

– Конечно поверила, – сказала Мадлен. – Уверена, он этого не делал. Он производит впечатление доброго ребенка.

– Я на сто процентов уверена. Ну, на девяносто девять процентов. Я... – Джейн замолчала и сглотнула.

На нее вдруг нахлынуло желание рассказать Мадлен о своих сомнениях. Объяснить ей, что кроется за одним процентом сомнений. Просто... рассказать о том, о чем еще никому не рассказывала. Поведать всю эту историю с начала до конца.

Был прекрасный теплый весенний вечер в октябре. В воздухе витал аромат жасмина. У меня жуткая сенная лихорадка. В горле дерет, чешутся глаза.

Она могла бы просто говорить, не думая, не переживая, доведя историю до конца.

А потом, возможно, Мадлен сказала бы в своей решительной, не допускающей возражений манере: «О-о, не волнуйся, Джейн. Это ничего не значит! Зигги именно такой, каким ты его считаешь. Ты его мать, и ты его знаешь».

А что, если она скажет прямо противоположное? Если Мадлен хотя бы на миг почувствует сомнение Джейн, что тогда? Это было бы худшим предательством Зигги.

– Абигейл! Иди попробуй кекса! – Мадлен подняла глаза на девочку-подростка, которая вошла в кухню. – Джейн, это моя дочь Абигейл. – В голосе Мадлен послышалась фальшивая нотка. Она положила кекс и стала крутить свою серьгу. – Абигейл! – снова позвала она. – Это Джейн!

Джейн повернулась на стуле.

– Привет, Абигейл, – сказала она девочке-подростку, которая стояла очень прямо, сложив перед собой руки, будто участвовала в какой-то религиозной церемонии.

– Привет! – Абигейл улыбнулась с неожиданной теплотой.

Это была сияющая улыбка Мадлен, но, не будь этой улыбки, вы никогда не сказали бы, что это мать и дочь. У Абигейл была более смуглая кожа и более резкие черты лица. Длинные волосы в беспорядке лежали на спине, словно Абигейл только что вылезла из

постели. Поверх леггинсов на ней было бесформенное коричневое платье. От кистей до предплечий руки были разрисованы затейливым узором из хны. Единственным украшением служил серебряный череп на черном шнурке, висящий на шее.

– Папа заедет сюда, чтобы забрать меня, – сообщила Абигейл.

– Что? Нет, не заберет, – откликнулась Мадлен.

– Ага, я хочу переночевать у папы, потому что завтра с утра у нас с Луизой есть дело и нам надо быть там рано, а это недалеко от папиного дома.

– Ближе самое большее минут на десять, – запротестовала Мадлен.

– Но из дома папы и Бонни проще уехать, – возразила Абигейл. – И они быстрее собираются. Не нужно ждать в машине, пока Фред будет искать ботинки, а Хлоя побежит в дом за другой Барби или за чем-нибудь еще.

– Полагаю, Скай никогда не возвращается в дом за Барби, – сказала Мадлен.

– Бонни никогда в жизни не позволила бы Скай играть с Барби, – заявила Абигейл, закатив глаза и тем самым показывая, что это и так очевидно. – Правда, мама, не стоит разрешать Хлое играть в них. Они такие гламурные и заставляют девочек мечтать о нереальных формах тела.

– Ну, ты любишь поговорить о Хлое и Барби, – с грустной улыбкой произнесла Мадлен.

С улицы послышался автомобильный гудок.

– Это он, – сказала Абигейл.

– Ты что, позвонила ему? – спросила Мадлен. Щеки у нее зарделись. – И даже меня не спросила?

– Я спросила папу, – ответила Абигейл. Она обошла стол кругом и чмокнула Мадлен в щеку. – Пока, мама. Приятно было познакомиться, – улыбнулась Абигейл Джейн.

Девочка не могла не понравиться.

– Абигейл Мэри! – Мадлен поднялась из-за стола. – Это недопустимо. Ты не вправе выбирать, где ночевать.

Абигейл остановилась и обернулась:

– Почему нет? Почему вы с папой должны решать, чья очередь забирать меня? – (Джейн заметила сходство с Мадлен в том, как Абигейл кипела от гнева.) – Как будто я ваша вещь. Ваша машина, которой вы хотите пользоваться поочередно.

– Это совсем не так, – начала Мадлен.

– Нет, это так, – возразила Абигейл.

С улицы послышался очередной гудок.

– Что происходит?

В кухню размашистым шагом вошел мужчина средних лет в гидрокостюме, спущенном до пояса и обнажающем широкую, поросшую густыми волосами грудь. С ним был маленький мальчик, одетый точно так же, с той разницей, что грудь у него была узкой и безволосой.

– Приехал твой папа, – сказал мужчина Абигейл.

– Знаю. – Абигейл посмотрела на волосатую грудь мужчины. – Неприлично в таком виде появляться на людях. Это гадко.

– Что? Демонстрировать мое прекрасное телосложение? – Мужчина с гордостью постучал по груди кулаком и улыбнулся Джейн. Она смущенно улыбнулась в ответ.

– Отвратительно, – произнесла Абигейл. – Я уйду.

– Поговорим обо всем позже! – крикнула Мадлен.

– Может быть, – отозвалась Абигейл.

– Не смей так говорить! – возмутилась Мадлен.

Хлопнула входная дверь.

– Мамочка, я умираю от голода, – сказал мальчуган.

– Съешь кексик, – хмуро произнесла Мадлен, снова откинувшись в кресле. – Джейн, это мой муж Эд, а это сын Фред. Эд, Фред. Легко запомнить.

– Потому что они рифмуются, – объяснил Фред.

– Добрый день. – Эд пожал руку Джейн. – Прошу прощения за мой отвратительный вид. Мы с Фредом занимались сёрфингом. – Он уселся напротив Джейн и обнял Мадлен. – Что, Абигейл огорчает?

Мадлен прижалась лицом к его плечу:

– Ты похож на мокрого соленого пса.

– До чего вкусно. – Фред отхватил здоровый кусок от кекса и одновременно протянул руку за вторым.

В следующий раз Джейн принесет еще.

– Мамочка! Ид-и-и сюда! – позвала Хлоя из коридора.

– Пойду прокачусь на скейтборде. – Фред взял третий кекс.

– Шлем, – в один голос произнесли Мадлен и Эд.

– Мамочка! – кричала Хлоя.

– Я тебя слышу! – отозвалась Мадлен. – Эд, поговори с Джейн. – И Мадлен вышла в коридор.

Джейн приготовилась поддержать разговор, но Эд непринужденно улыбнулся ей, взял кекс и откинулся на стуле:

– Значит, вы мама Зигги. Откуда взялось это имя – Зигги?

– Его предложил мой брат, – ответила Джейн. – Он большой фанат Боба Марли, и, по моему, Боб Марли назвал своего сына Зигги. – Она замолчала, вспоминая чудесную тяжесть новорожденного на руках, его темные глаза. – Мне понравилась необычность этого имени. Мое имя такое скучное. Серая мышка Джейн и все такое.

– Джейн – красивое классическое имя, – вполне уверенно произнес Эд, отчего она даже чуть-чуть в него влюбилась. – Фактически, когда мы выбирали имя для Хлои, я предлагал Джейн, но меня отвергли, правда, я уже победил с Фредом.

Внимание Джейн привлекла свадебная фотография на стене: Мадлен в тюлевом платье цвета шампанского сидит на коленях у Эда. Глаза их зажмурены от безудержного смеха.

– Как вы познакомились с Мадлен? – спросила Джейн.

Эд оживился. Очевидно, он любил рассказывать эту историю.

– В детстве мы с ней жили через улицу, – начал он. – Мадлен жила по соседству с большой ливанской семьей. У них было шестеро сыновей, крупных, сильных парнишек. Я их ужасно боялся. Они, бывало, играли на улице в крикет, и иногда Мадлен играла с ними. Она засеменит к ним, сама вдвое меньше этих амбалов, с лентами в волосах, с блестящими браслетами – ну, вы знаете ее, – но, бог ты мой, она умела играть в крикет. – Он положил кекс и встал, чтобы показать. – Ну вот, она выходит – с развевающимися волосами, оборками на платье, – берет битку и потом – БАМ! – Он ударил воображаемой крикетной битой. – А эти парни падают на колени, хватаясь за головы руками.

– Ты снова рассказываешь крикетную историю? – спросила Мадлен, которая вернулась из комнаты Хлои.

– Вот тогда-то я и влюбился в нее, – сказал Эд. – По-настоящему, безумно и глубоко. Глядя из окна своей спальни.

– Я даже не догадывалась о его существовании, – легкомысленно произнесла Мадлен.

– Нет, не догадывалась. Ну вот, мы выросли и уехали из дома, и как-то я услышал от матери, что Мадлен вышла замуж за какого-то типа, – продолжал рассказывать Эд.

– Ш-ш-ш. – Мадлен шлепнула Эда по руке.

– Потом, несколько лет спустя, я отправляюсь на барбекю в честь тридцатилетия одного друга. На заднем дворе играют в крикет. И кто же там бьет по мячу в туфлях на шпильке, вся увешанная всякими цацками и нисколько не изменившаяся? Маленькая Мадлен с той стороны улицы. У меня едва не остановилось сердце.

– Весьма романтическая история, – заметила Джейн.

– Я мог бы и не пойти на это барбекю, – добавил Эд.

Джейн заметила, что у него сверкают глаза, хотя он, наверное, уже рассказывал эту историю раз сто.

– И я тоже могла не пойти, – сказала Мадлен. – Мне пришлось отменить педикюр, а обычно я ни за что не стала бы отменять педикюр.

Они улыбнулись друг другу.

Джейн отвела взгляд. Она взяла свою кружку и попыталась отхлебнуть чая, но его там уже не было.

Зазвонил звонок входной двери.

– Это Селеста, – произнесла Мадлен.

Здорово, подумала Джейн, продолжая притворяться, что пьет чай. Теперь я стану свидетельницей как великой любви, так и великой красоты.

Все вокруг нее было насыщено богатыми живыми красками. Она одна в целом доме была бесцветным существом.

* * *

Мисс Барнс. Очевидно, родители образуют свои особые социальные группы вне школы. Конфликт на вечере викторин не обязательно должен был иметь что-то общее с жизнью школы Пирриви. Просто я подумала, что следует на это указать.

Теа. Да, пожалуй, мисс Барнс непременно сказала бы это, верно?

Что ты думаешь о Джейн? – спросила Мадлен Эда в тот вечер в ванной, когда он чистил зубы, а она кончиками пальцев наносила на область глаз дорогой увлажняющий крем, «разглаживающий морщинки». (Ради всего святого, она была специалистом по маркетингу и понимала, что, покупая баночку крема, бросает деньги на ветер.) – Эд?

– Я чищу зубы, погоди минутку.

Он ополоснул рот, сплюнул и постучал зубной щеткой по краю раковины. Тук, тук, тук. Всегда три решительных, четких удара, как будто зубная щетка – молоток или гаечный ключ. Иногда, если она перед тем пила шампанское, Мадлен смеялась до упаду, наблюдая, как Эд стучит зубной щеткой.

– По-моему, Джейн на вид лет двенадцать, – сказал Эд. – Абигейл выглядит старше ее. У меня в голове не укладывается, что она родительница. – Он с улыбкой наставил зубную щетку на Мадлен. – Но она будет нашим секретным оружием на предстоящем вечере викторин. Она знает ответы на все вопросы по поводу поколения «игрек».

– Полагаю, в поп-культуре я разбираюсь лучше Джейн, – заявила Мадлен. – У меня создается впечатление, что она нетипична для девушки двадцати четырех лет. В чем-то она кажется даже старомодной, как люди из поколения моей матери.

Она рассмотрела свое лицо, вздохнула и поставила баночку с кремом на полку.

– Вряд ли она такая уж старомодная, – заметил Эд. – Ты говорила, что она забеременела после одной ночи.

– Она приняла решение и родила ребенка, – сказала Мадлен. – Это довольно-таки старомодно.

– Но тогда она должна была оставить его на ступенях церкви. В плетеной корзине... Послушай, а что там со жвачкой? Она весь день ее жевала.

– Знаю. Это у нее типа зависимости.

Эд выключил свет в ванной. Подойдя к противоположным сторонам кровати, оба включили лампы и плавным синхронным движением отодвинули одеяло. В зависимости от настроения Мадлен, это доказывало, что у них идеальный брак или что они, представители среднего класса, погрязли в рутине, а потому необходимо продать дом и отправиться в путешествие по Индии.

– Мне бы очень хотелось создать для Джейн новый облик, – размышляла Мадлен, пока Эд искал страницу в книге. Он был большим поклонником детективов Патриции Корнуэлл с таинственными убийствами. – Напрасно она зачесывает волосы назад. Прилизанный вид. Надо добавить объема.

– Объем, – пробормотал Эд. – Точно. Вот чего ей не хватает. Я подумал о том же. – И он перевернул страницу.

– Надо помочь ей найти бойфренда, – заявила Мадлен.

– Вот и займись этим.

– Я бы с удовольствием и Селесте создала бы новый имидж, – сказала Мадлен. – Знаю, это звучит странно. Она красива независимо от имиджа.

– Селеста? Красива? – удивился Эд. – Я что-то не заметил.

– Ха-ха! – Мадлен подняла свою книгу, но сразу положила обратно. – Они такие разные, Джейн и Селеста, но мне кажется, в чем-то они очень похожи. Не могу понять в чем.

Эд опустил свою книгу тоже:

– Я скажу тебе, в чем они похожи.

– И в чем же?

– Они обе ущербные.

– Ущербные? В каком смысле?

– Не знаю, – ответил Эд. – Просто я могу отличить ущербных девиц. Встречался с такими. За милую распознаю телку с приветом.

– Так я тоже была ущербная? – спросила Мадлен. – Это тебя и привлекло?

– Нет, – ответил Эд и снова взял книгу. – Ты не была ущербной.

– Нет, была! – возразила Мадлен. Ей тоже хотелось быть интересной и ущербной. – Когда ты со мной познакомился, я была такой несчастной.

– Есть разница между несчастной девушкой и ущербной, – пояснил Эд. – Ты чувствовала печаль и обиду. Может быть, у тебя было разбито сердце, но сама ты не была сломлена. А теперь помолчи, потому что сейчас я попадусь на отвлекающий маневр, но я не хочу этого, миз Корнуэлл, не хочу.

– Ммм, – замычала Мадлен. – Ну, Джейн, может, действительно немного ущербная, но я не понимаю, в чем может быть ущербной Селеста. Она красива, богата, у нее счастливый брак и нет бывшего мужа, который отбирает у нее дочь.

– Он не пытается отобрать у тебя дочь, – сказал Эд, возвращаясь к чтению. – Дело в том, что Абигейл – подросток. Все подростки немного полоумные, ты же знаешь.

Мадлен взяла свою книгу.

Она думала о Джейн и Зигги, которые днем шли рука об руку от ее дома по подъездной дорожке. Зигги что-то рассказывал Джейн, энергично жестикулируя, а Джейн наклонила голову набок, держа в свободной руке ключи от машины. Мадлен слышала, как она сказала: «Знаю! Пойдем в тот ресторан, где мы ели эти вкусные тако!»

При взгляде на них на Мадлен нахлынули воспоминания о тех временах, когда она была матерью-одиночкой. Пять лет она жила вдвоем с Абигейл в небольшой квартире с двумя спальнями над итальянским рестораном. Они ели много пасты, которую покупали навынос, и бесплатного чесночного хлеба. Мадлен поправилась на семь килограммов. Их знали как девочек Маккензи из квартиры 9. Она изменила фамилию Абигейл на свою девичью и отказалась вновь менять фамилию, когда вышла за Эда, не желая показаться смешной. Мадлен не могла допустить, чтобы Абигейл носила фамилию отца, который предпочитал проводить Рождество на пляжах Бали с этой дрянной маленькой парикмахершей. Парикмахершей с никудышными волосами – черные корни и секущиеся концы.

– Я всегда считала, что наказанием Натану за его предательство будет то, что Абигейл не станет любить его так, как меня, – сказала она Эду. – Я привыкла все время говорить себе об этом. Абигейл не захочет, чтобы Натан вел ее по проходу в церкви. Ему придется расплачиваться за все, думала я. Но знаешь что? Он не расплачивается за свои грехи. Теперь у него есть Бонни, которая милее, моложе и красивее меня, у него есть новая дочь, знающая весь алфавит, да к тому же и Абигейл! Ему все сходит с рук, и он ни о чем не жалеет.

Она с удивлением поняла, что у нее прерывается голос. Ей казалось, она просто злится, но теперь поняла, что ей обидно и больно. Абигейл и прежде могла разозлить ее, раздражая и приводя в отчаяние. Но сейчас дочь впервые сделала ей больно.

– Она должна любить меня больше, – по-детски сказала она и сделала попытку рассмеяться, потому что это была шутка, хотя Мадлен говорила совершенно серьезно. – Я

думала, она любит меня больше.

Эд положил книгу и обнял жену:

– Хочешь, чтобы я убил этого мерзавца? Кокнуть его? Я мог бы подготовить к этому Бонни.

– Да, пожалуйста, – уткнувшись ему в плечо, пробормотала Мадлен. – Это было бы чудесно.

* * *

Сержант уголовной полиции Эдриан Куинлан. На данном этапе мы никого не арестовали, но могу сказать, мы, пожалуй, уже говорили с причастными к происшедшему.

Стью. Думаю, никто, в том числе и полиция, не имеет ни малейшего представления о том, кто что совершил.

Габриэль. Я считала, что существует определенный этикет, что ли, в отношении раздачи приглашений на вечер. И я подумала, что в тот первый день в подготовительном классе произошло что-то неуместное.

* * *

– Улыбнись, Зигги, улыбнись!

В конце концов Зигги улыбнулся в тот самый момент, когда отец Джейн зевнул. Джейн нажала на кнопку, а затем проверила снимок на экране цифрового фотоаппарата. Зигги и ее мама чудесно улыбались, а папу поймали во время зевка – рот разинут, глаза прищурены. Он не выспался, потому что пришлось рано вставать, чтобы проделать путь от Гранвиля до полуострова и повидаться с внуком в первый школьный день. Родители Джейн обычно поздно ложились спать и поздно вставали, и им ужасно трудно было уезжать из дома раньше девяти. В прошлом году отец рано уволился на пенсию с государственной службы, и с тех пор они с матерью допоздна, до трех или четырех утра, составляли пазлы. «Наши родители превращаются в вампиров, – сказал однажды Джейн ее брат. – Вампиров, играющих в пазлы».

– Не желаете, чтобы мой муж сфотографировал вас вместе? – сказала стоящая неподалеку женщина. – Я бы и сама предложила, но я с техникой не в ладу.

Джейн подняла глаза. На женщине была длинная юбка с орнаментом пейсли и черная майка. На запястьях разноцветные шнурки, волосы заплетены в длинную косу. На плече татуировка в виде китайского иероглифа. Она несколько выделялась среди всех других родителей, на которых была повседневная пляжная или спортивная одежда либо деловые костюмы. Ее муж казался намного старше ее. На нем были футболка и шорты, стандартный прикид папаши среднего возраста. Он держал за руку крошечную девочку, похожую на мышонка, с длинными всклокоченными волосами. Ее школьная форма была, казалось, на три размера больше.

Готова поспорить, это Бонни, вдруг подумала Джейн, вспоминая, как Мадлен описывала жену ее бывшего мужа. В тот же момент женщина произнесла:

– Я Бонни, а это мой муж Натан и наша малышка Скай.

– Большое спасибо, – сказала Джейн, вручая фотоаппарат бывшему мужу Мадлен, а сама встала рядом с родителями и Зигги.

– Скажите: «Сы-ы-ыр»! – Натан поднял фотоаппарат.

– А? Что? – переспросил Зигги.

– Кофе, – зевнула мать Джейн.

Натан щелкнул затвором:

– Вот, пожалуйста!

Он отдал Джейн фотоаппарат, и в этот момент к его дочери подошла маленькая кудрявая девочка. Джейн стало нехорошо. Она сразу узнала девчужку. Это была та самая девочка, которая обвинила Зигги в том, что он пытался ее задушить. Амабелла. Джейн осмотрелась по сторонам. Где сердитая мамаша?

– Как тебя зовут? – с важным видом спросила Амабелла у Скай.

В руках у Амабеллы была пачка бледно-розовых конвертов.

– Скай, – прошептала девчушка.

Она была очень застенчивой, и больно было видеть, чего ей стоит выдавить из себя хоть слово.

Амабелла стала перебирать конверты:

– Скай, Скай, Скай.

– Боже правый, ты уже можешь прочитать все эти имена? – спросила мать Джейн.

– Я читаю с трех лет, – вежливо ответила Амабелла, продолжая перебирать конверты. –

Скай! – Она протянула девочке розовый конверт. – Вот приглашение на мой день рождения.

Мне исполняется пять лет. Это будет А-пати, потому что мое имя начинается с «А».

– Уже умеет читать до поступления в школу! – дружелюбно обратился к Натану отец Джейн. – Будет первая в классе! Наверное, занимается с домашним учителем.

– Что ж, не хочу хвастаться, но Скай тоже вполне хорошо читает, – заметил Натан. – И мы не очень верим в репетиторов, да, Бонни?

– Мы предпочитаем, чтобы Скай развивалась органически, – сказала Бонни.

– Органически? – переспросил отец Джейн, нахмутив брови. – Как фрукты?

Амабелла повернулась к Зигги:

– Как тебя...

Девочка замерла, и на лице у нее появилось паническое выражение. Она крепко прижала конверты к груди, словно боясь, что Зигги отберет один из них, и, не говоря ни слова, повернулась и убежала.

– Господи, что происходит? – спросила мать Джейн.

– Эта девочка сказала тогда, что я обидел ее, – просто произнес Зигги. – Но, бабушка, я этого не делал.

Джейн оглядела игровую площадку. Повсюду были дети в новой, слегка великоватой им школьной форме.

У каждого в руке был бледно-розовый конверт.

* * *

Харпер. Послушайте, никто в этой школе не знал Ренату лучше меня. Мы были очень близки. Я совершенно уверена, что в тот день она никому не пыталась ничего доказать.

Саманта. О господи, разумеется, пыталась!

Впервые школьный день Хлои на Мадлен накатил ужасный приступ предменструального синдрома, ПМС. Она сдерживалась, но толку было мало. «Я сама выбрала себе настроение», – думала она, стоя на кухне и заглатывая валиум. Она знала, что это бесполезно, что его следует принимать регулярно, но надо было принять хоть что-то. Ее бесило, что это случилось совсем не ко времени. Хорошо было бы найти виноватого, желательно бывшего мужа, но никак не получалось повесить на Натана ответственность за ее менструальный цикл. Без сомнения, чтобы совладать с приливами и отливами женственности, Бонни танцует в лунном свете.

Для Мадлен ПМС был внове. Еще одна чудная сторона процесса старения. Прежде она никогда этому не верила. Позже, когда она приблизилась к сорока, тело словно сказало ей: «Ладно, не веришь в ПМС? Я покажу тебе ПМС. Получай, стерва».

Теперь один день каждого месяца ей приходилось во всем притворяться: в присутствии ей человеколюбии, в любви к детям, в любви к Эду. Однажды она пришла в ужас, услышав о женщинах, называющих ПМС защитной реакцией, провоцирующей на убийство. Теперь она поняла. Сегодня она бы с радостью кого-нибудь убила! По сути дела, она считала, что стоило бы отметить ее замечательную силу воли, позволившую ей удержаться от этого.

Чтобы успокоиться, она всю дорогу до школы делала упражнения с глубоким дыханием. К счастью, Фред и Хлоя не ссорились на заднем сиденье. Эд, сидя за рулем, напевал себе под нос, что было местами невыносимо (ненужная постоянная веселость этого человека). Но он, по крайней мере, надел чистую рубашку и не стал настаивать на маловатой ему белой рубашке поло с пятном от томатного соуса, которое сам не замечал. Сегодня ПМС не победит. ПМС не снесет эту веху в их жизни.

Они сразу же нашли разрешенную парковку. Дети вышли из машины фактически после первой просьбы.

– Счастливого Нового года, миссис Пондер! – выкрикнула Мадлен, когда они проходили мимо маленького белого коттеджа из пенобетона, стоящего рядом со школой.

Пухлая, седовласая миссис Пондер сидела с чашкой чая и газетой в раскладном кресле на террасе.

– С добрым утром! – бодро отозвалась миссис Пондер.

– Иди, не останавливайся, – зашипела Мадлен на Эда, который начал замедлять шаг.

Он любил от души поболтать с миссис Пондер, которая во время войны работала медсестрой в Сингапуре, или с кем угодно другим, в особенности если человеку было за семьдесят.

– Первый день Хлои в школе! – выкрикнул Эд. – Большой день!

– А-а, благослови ее Господь! – откликнулась миссис Пондер.

Они шли не останавливаясь.

Мадлен контролировала свое настроение, как бешеную собаку на коротком поводке.

Школьный двор был заполнен болтающими родителями и кричащими детьми. Родители стояли на месте, а дети беспорядочно бегали вокруг них, как шарики, перекатывающиеся в автомате для игры в пинбол. Новые родители подготовительного класса широко и немного нервно улыбались. Мама шестиклассников, чувствуя себя королевами школы, собирались в небольшие оживленные кружки. Были там и Модные Стрижки, то и дело поглаживающие

свои недавно подстриженные белокурые волосы.

Ах, было замечательно. Морской бриз. Оживленные личики детей – и, блин! – ее бывший муж.

Дело не в том, что она не ожидала увидеть его здесь, но ее возмутило, что он так комфортно чувствует себя в школьном дворе Мадлен, так доволен собой. Хуже того, он фотографировал Джейн и Зигги (они принадлежат Мадлен) вместе с приятной парой, на вид ненамного старше Мадлен. Должно быть, это родители Джейн. Он ко всему еще и ужасный фотограф. *Не доверяйте Натану запечатлеть вас на пленке. Ни в чем не доверяйте Натану.*

– Вон папа Абигейл, – сказал Фред. – Я не видел его машину перед школой.

Натан ездил на «лексусе» канареечно-желтого цвета. Бедному Фреду понравился бы отец, который разбирается в автомобилях. Эд даже не знает разницы между моделями.

– Это моя сводная сестра! – Хлоя показала на дочку Натана и Бонни.

На Скай топорщилась великоватая форма, и с этими большими печальными глазами и длинными воздушными светлыми волосами она была похожа на бездомное дитя из экранизации «Отверженных». Мадлен уже предвидела, что произойдет дальше. Хлоя собирается удочерить Скай. Скай как раз такая робкая девчушка, которую Мадлен возьмет под крыло. *Хлоя пригласит Скай в гости, чтобы поиграть с волосами Скай.*

Как раз в этот момент Скай быстро сморгнула, когда на глаза ей упала прядь волос, и Мадлен побледнела. Ребенок моргал точно так же, как моргала Абигейл, когда на глаза ей падали волосы. Это частичка ребенка Мадлен, ее прошлое и ее душа. Следует издать закон, запрещающий бывшим мужьям иметь детей.

– В тысячный раз говорю тебе, Хлоя, – прошипела Мадлен, – Скай не твоя сводная сестра, а Абигейл!

– Дышим глубоко, – произнес Эд. – Глубоко-о-о.

Натан отдал фотоаппарат Джейн и направился к ним. В последнее время он отрастил волосы. Густые, с проседью, они падали ему на лоб, словно он был средних лет австралийским двойником Хью Гранта. Мадлен догадывалась, что он отрастил волосы в пику Эду, который почти совсем облысел.

– Мэдди, – начал он.

Натан единственный во всем свете называл ее Мэдди. Когда-то это доставляло ей безмерное удовольствие, но теперь сильно раздражало.

– Эд, дружище! И малышка... Гм... У вас это тоже первый школьный день, да? – Натан так и не удосужился запомнить имена детей Мадлен. В знак приветствия он ударил Фреда по ладони. – Привет, чемпион.

Фред с радостью подставил свою ладошку, и Мадлен расценила это как предательство.

Натан поцеловал Мадлен в щеку и с жаром потряс руку Эду, выставя немного напоказ дружеские отношения с бывшей женой и ее семьей.

– Ната-а-н, – нараспев произнес Эд.

Он по-особому произносил имя Натана, растягивая звуки и делая ударение на втором слоге. От этого Натан всегда немного хмурился, не совсем понимая, потешаются над ним или нет. Но сегодня этого было недостаточно, чтобы улучшить настроение Мадлен.

– Большой день, большой день, – произнес Натан. – Вы-то тертые калачи, а у нас это впервые! Не стыжусь признаться, что немного прослезился, увидев Скай в школьной форме.

Мадлен все же не сдержалась:

– Натан, Скай не первый твой ребенок, который идет в школу.

Натан покраснел. Она нарушила их негласное правило: никаких обид. Но, боже правый, только святой мог стерпеть подобное! Абигейл два месяца ходила в школу, когда Натан наконец это заметил. Как-то он заявился домой в середине дня. «Она в школе», – сказала ему Мадлен. «В школе? – пробормотал он. – Она ведь еще мала для школы».

– Кстати, об Абигейл, Мэдди, ты не против, если на этой неделе мы поменяемся выходными? – спросил Натан. – В субботу день рождения у матери Бонни, и мы идем на ужин. Она очень любит Абигейл.

Рядом с ним, блаженно улыбаясь, материализовалась Бонни. Она всегда блаженно улыбалась. Мадлен подозревала наркотики.

– У моей матери с Абигейл удивительный контакт, – сообщила она Мадлен, как будто Мадлен эта новость могла обрадовать.

В этом-то и было дело: ну какой женщине понадобилось бы, чтобы у ее дочери был «удивительный контакт» с матерью жены ее бывшего мужа? Только Бонни могла подумать, что вы захотите это услышать, но тем не менее сетовать было бесполезно. Нельзя даже было подумать: «Заткнись, стерва!», потому что Бонни не была стервой. Так что Мадлен ничего не оставалось, как стоять, кивать и принимать эту чушь, в то время как ее плохое настроение рычало и рвалось с поводка.

– Конечно, – сказала она. – Без проблем.

– Папочка! – Скай потянула за футболку Натана, и он посадил ее к себе на бедро. Бонни с нежностью смотрела на них обоих.

«Мне так жаль, Мэдди, но я не подхожу для этой роли». Натан произнес эти слова, когда Абигейл было три недели от роду. Капризный младенец не спал больше тридцати двух минут кряду. Мадлен зевнула. «Я тоже». Она не думала, что он сказал это в буквальном смысле. Час спустя она в оцепенении наблюдала, как он укладывает вещи в красную сумку для крикета. Бросив мимолетный взгляд на дочку, словно это был чужой ребенок, он ушел. Она никогда и ни за что не простит ему этот беглый взгляд, который он бросил на их чудесную малютку. А теперь эта малютка превратилась в подростка, сама готовит себе ланч и садится в автобус до школы, а уходя, бросает через плечо: «Не забудь, сегодня я остаюсь у папы».

– Привет, Мадлен, – сказала Джейн.

На Джейн снова была простая белая футболка с V-образным вырезом – неужели у нее нет других футболок? – та же самая голубая джинсовая юбка и вьетнамки. Волосы были завязаны в тугий конский хвост, и она тайком жевала жвачку. Ее скромность каким-то образом исправила настроение Мадлен, словно Джейн нужна была ей для улучшения самочувствия, подобно тому как после болезни вам хочется обыкновенного тоста.

– Джейн, – с теплотой произнесла она, – как поживаешь? Вижу, ты познакомилась с моим восхитительным бывшим мужем и его семьей.

– Хо-хо-хо, – произнес Натан голосом Санта-Клауса, потому что не знал, как еще можно ответить на колкость типа «восхитительный бывший муж».

Мадлен почувствовала на плече руку Эда как предупреждение о том, что она скатывается на грань вежливости.

– Да, познакомилась. – Лицо Джейн ничего не выражало. – Это мои родители, Ди и Билл.

– Здравствуйте! Ваш внук просто очарователен.

Мадлен отодвинулась от Эда и поздоровалась за руку с родителями Джейн, какими-то очень милыми, это было видно с первого взгляда.

– Мы считаем, что Зигги – реинкарнация моего дорогого папы, – оживленно произнесла мать Джейн.

– Нет, мы так не считаем, – возразил отец Джейн. Он взглянул на Хлою, тянущую Мадлен за платье. – А это, наверное, ваша малышка, да?

Хлоя вручила Мадлен розовый конверт:

– Подержи его у себя, мамочка. Это приглашение на день рождения Амабеллы. Нужно прийти в костюме кого-нибудь, чье имя начинается на «А». Я хочу одеться как принцесса. – И девочка убежала.

– Очевидно, бедного маленького Зигги не пригласили на праздник, – понизив голос, сказала мать Джейн.

– Мама, – начала Джейн, – оставь это.

– Что? Ей не следовало раздавать приглашения на игровой площадке, если она не собиралась приглашать весь класс, – заметила Мадлен.

Она оглядела площадку в поисках Ренаты и увидела входящую в ворота Селесту с близнецами. Как обычно, Селеста опаздывала. Выглядела она просто великолепно. Словно в школе появилась другая порода людей. Мадлен заметила, как один папаша второклассника увидел Селесту и едва не споткнулся о чей-то портфель, продолжая таращиться на нее.

Потом она заметила Ренату, которая торопливо направилась к Селесте и вручила ей два розовых конверта.

– Я ее убью, – сказала Мадлен.

* * *

Миссис Липман. Послушайте, я больше ничего не скажу. Мы заслуживаем того, чтобы нас оставили в покое. Умер родитель. Вся школьная община скорбит.

Габриэль. Гм-гм, я бы не сказала, что скорбит вся школьная община. Это, пожалуй, натяжка.

* * *

Селеста заметила, как, глаза на нее, споткнулся какой-то мужчина.

Может быть, ей стоит завести роман. Это послужило бы толчком к чему-то, подвело бы их брак к краю пропасти, к которому они неумолимо продвигались все эти годы.

Однако мысль о другом мужчине вызывала у нее гнетущее безразличие. Ей будет очень скучно. Другие мужчины ее не интересовали. Перри заставлял ее чувствовать себя живой. Если она бросит его, то останется в тоскливом одиночестве. Это несправедливо. Он погубит ее.

– Мама, ты очень сильно сжала мне руку, – заныл Джош.

– Ага, мамочка, – подхватил Макс.

Она отпустила руки.

– Извините, мальчики, – сказала она.

Утро не задалось. Во-первых, с одним из носков Джоша приключилась катастрофа – его никак не удавалось расправить. К тому же Макс не мог найти человечка-лего в особой

желтой шляпе, который понадобился ему именно в тот момент.

Оба близнеца требовали папу. Им было наплевать, что он сейчас на другом конце света. Он был им нужен. Селесте тоже нужен был Перри. Он расправил бы носок Джоша. И нашел бы человечка-лего для Макса. Она заранее знала, с каким трудом ей придется преодолевать утреннюю школьную рутину. Они с мальчиками привыкли вставать поздно и по утрам обычно бывали не в духе, а Перри просыпался бодрым и энергичным. Окажись он в это утро с ними, они загодя пришли бы в школу в первый день. В машине звучал бы смех, а не нытье мальчуганов.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Девушка-иностранка, живущая в семье с целью изучения языка. – *Здесь и далее прим. пер.*